

Обозрѣніе содержанія книги Пр. Іезекіиля.

Извѣстность пророческаго поприща Іезекіиля дѣлаетъ удобнымъ обозрѣніе всего содержанія его книги. Задача Пророка та, чтобы въ «Божественныхъ видѣніяхъ», какъ онъ самъ выражается, — войти во всю глубину мраковъ, облежавшихъ тогда церковь и имѣвшихъ сгуститься до крайности, и чтобы найти выходъ изъ нихъ къ свѣту грядущей благодати. Это совсѣмъ иное дѣло, нежели какое предстояло Іереміи. Послѣдній, исполнясь во всемъ существѣ своемъ огня Божіей ревности, находился въ постоянномъ и живѣйшемъ соприкосновеніи къ ходу общественныхъ дѣлъ, — жилъ и дѣйствовалъ какъ могущественный ратоборецъ въ современномъ мірѣ; а Іезекіиль, въ отношеніи къ пророческому его служенію, жилъ собственно въ области Божественныхъ видѣній, провозглашая изъ нея, что тамъ видѣлъ и слышалъ. Иное его дѣло, нежели каково было и у Исаіа: Исаія темную сторону современныхъ пороковъ и грозныхъ за то судовъ Божіихъ раскрывалъ, созерцая въ тоже самое время обильнѣйшій свѣтъ благодати; а Іезекіиль углубляется весь во мракъ современнаго нечестія и грозныхъ судовъ Божіихъ, проникнутый негодованіемъ или ужасомъ, и какъ бы едва пробивается къ отрадному зрѣлищу благодати. Посему обозрѣніе проро-

ческихъ его откровеній должно имѣть свой порядокъ, сообразный съ ними самими. Сначала нужно возвести взоры къ той таинственной области, куда — къ «Божественнымъ видѣнiямъ» возвышался Пророкъ отъ внѣшняго міра и откуда износилъ откровенія. Потомъ, будемъ слѣдить, какъ Пророкъ въ своихъ видѣнiяхъ и откровенiяхъ входитъ въ ужа-сающій мракъ современнаго нечестiя и нещадной за это кары Божіей. Далѣе вникнемъ, какъ онъ, углубляясь въ такую темноту, чрезъ это же самое проторгается къ созерцанію благодати. Наконецъ приникнемъ къ самому зрѣлищу благодати, какое открывается у Іезекіиля.

I.

Отверзошася небеса и видѣхъ видѣнiя Божiя, такъ начинается Пророкъ Іезекіиль свою книгу. Онъ разумѣетъ собственно видѣніе славы Божіей, изображенное въ первыхъ главахъ. Но это видѣніе есть величественное вступленіе во все дальнѣйшее содержаніе книги, такъ что далѣе Пророкъ является такимъ, какимъ онъ поставленъ въ этомъ видѣнiи и всѣ пророческія рѣчи провозглашаетъ онъ, какъ бы, съ высоты этаго видѣнiя. Какъ здѣсь первоначально *бысть слово Господне ко Іезекіилю* (ст. 3 гл. 1). *и рука Господня бысть на немъ крѣпкая* (III. 14.), такимъ же образомъ и впослѣдствіи испытывалъ

Пророкъ наятіе на него Божественнаго вдохновенія. Замѣчательно при томъ, что самое видѣніе славы Божіей, бывшее ему сначала, повторялось и тогда, какъ Пророку открывалось народное нечестіе и отверженіе отъ Бога (см. X гл.), и тогда, какъ онъ, созерцалъ уже благодать (XLIII гл.): въ первомъ случаѣ онъ видѣлъ славу Божію удаляющуюся изъ храма, въ послѣднемъ—ту же славу водворяющуюся въ благодатномъ храмѣ. Это видѣніе предносилось предъ очами Пророка, даже и тогда, какъ пророческій его взоръ устремленъ былъ на языки (28, 14). И такъ явленіе, изъ отверстыхъ небесъ, славы Божіей справедливо можно почестъ за ту горную область, куда онъ возведенъ былъ къ Божественнымъ видѣніямъ, куда постоянно устремлялись духовные его взоры.

Явленіе славы Божіей Іезекілю было приспособлено къ земному порядку вещей, однако было такъ высрпенне, что Пророкъ, изображая это видѣніе, прибѣгаетъ къ сравненіямъ и выражается предположительно: «какъ будто было то и то» или было «подобіе престола,» «видѣніе Сапфира» и проч. Вотъ каково было это явленіе славы Божіей.— Пророкъ увидѣлъ какъ бы нѣкоторое великое прозрачное и свѣтоносное облако. На самой горней части этаго видѣнія былъ видъ чловѣка, сѣдящаго на престолѣ Сапфирномъ. Отсюда, какъ отъ *чистѣйшаго* (*)

(*) Это видно изъ того, что Пророку мало показатось употребить слово „огонь;“ онъ еще къ выраженію того же предмета беретъ понятіе „электра.“

огня распространялось во всѣ стороны сіяніе, подобное радужному свѣту. Престоль утверждёнъ былъ на «тверди» или небообразномъ сводѣ, подъ которымъ были четыре живыя существа - огнеобразныя, крылатыя, съ лицами на каждую изъ четырехъ сторонъ свѣта, могущія направляться въ какую угодно сторону безъ необходимости оборачиваться; видъ лицъ ихъ былъ видъ четырехъ царей одушевленной природы—человѣка, льва, тельца, орла. Внизу этихъ четырехъ живыхъ существъ было столько же одушевленныхъ колесъ, сдѣланныхъ какъ бы изъ топаза, и находящихся въ самой внутренней взаимной связи (*«яко коло въ колеси»*). Все тѣло живыхъ существъ и всѣ колеса кругомъ были полны очей. Всѣ они (и колеса и тѣ живыя существа) были проникнуты и одушевлены однимъ общимъ Духомъ и направлялись туда, куда Онъ влекъ ихъ; и все такое единодушное движеніе ихъ управлялось и останавливалось голосомъ Сѣдящаго на престолѣ. При движеніи всего этаго, разнообразнаго и въ тоже время одноцѣльнаго, блистающаго явленія раздавался, какъ гласъ Вседержителя, гулъ отъ крыльевъ, ударяющихъ другъ о друга, и стукъ колесъ. Вотъ общее очертаніе этаго явленія, изображеннаго у Пророка съ подробностями.

Что же значить это чудное явленіе, предносившееся очамъ Пророка на всемъ его поприщѣ? Самъ Пророкъ называетъ это явленіе «подобіемъ славы Иеговы» (1, 28). Сѣдящій на престолѣ и имѣющій видъ человѣчь (1, 21) самъ себя называетъ «Гос-

подомъ Иеговою» (2, 5): Богъ въ видѣ человѣка— это, очевидно, Богочеловѣкъ, который дѣйствительно и есть существенный образъ и сіяніе славы Божіей. Указаніе здѣсь именно на Христа подтверждается тѣмъ, что въ послѣдствіи Пророкъ, созерцая таинственный храмъ самой Христовой благодати (что будетъ показано на своемъ мѣстѣ), видѣлъ въ немъ это же самое явленіе славы Божіей (43 гл.). Потомъ, радужный свѣтъ, распространяющійся отъ сѣдящаго на престолѣ, напоминаетъ радугу Заѣта Ноева, относящагося къ мирному проявленію такъ же благодати Христовой (см. Ис. LIV гл.). Наконецъ въ Апокалипсисѣ изображается тоже явленіе славы Божіей, какое и у Іезекіиля, только въ большей опредѣленности и въ своей всеобъемлющей полнотѣ: сѣдитъ на престолѣ Вседержитель и тутъ же находится агнецъ, принимая славословіе отъ всего міра (IV, 2. 3. 7. V, 6. 13.). — Но являющаяся такимъ образомъ слава Бога имѣетъ болѣе обширное и общее значеніе, нежели каково значеніе открытой милующей и прощающей Божіей любви и благодати: «ты будешь слушать изъ устъ моихъ слова,» такъ было сказано Пророку отъ Сѣдящаго на престолѣ, «и будешь остерегать ихъ отъ Меня» (III, 17). Слѣдовательно, Пророкъ видѣлъ Богочеловѣка не какъ только тихій свѣтъ, разливающий милость и спасеніе, но и какъ огонь, посядающій недостойныхъ и противныхъ. Такое же общее значеніе дается и въ Апокалипсисѣ явленію славы Божіей: предъ престоломъ не только воспѣвалась пѣснь: *искупилъ еси насъ Богови кровію Твоею* (V 9.), но такъ же исхо-

дили отъ престола *молніи и громы и гласы* (IV, 5). И такъ явленіемъ Сѣдящаго на престолѣ показана держава Божія, вмѣвшая открыться во Христѣ столько же къ низложенію и упраздненію всего враждебнаго, какъ и къ спасенію вѣрныхъ. Видъ чистѣйшаго огня, сіяющаго на престолѣ, и свѣтъ радуги, распространяющійся округъ престола, совершенно соотвѣтствуютъ характеру этой благодатномирной и въ тоже время пламенно-грозной державы. — Престолъ, утвержденный «поверхъ тверди», даетъ мысль о вышемірной высотѣ и неограниченной власти этой державы. —

Съ изъясненіемъ самаго главнаго и существеннаго можетъ быть понятно значеніе и прочихъ частей явленія, по крайней мѣрѣ въ ихъ общихъ чертахъ. Носящіе твердь и престолъ, по мановенію Сѣдящаго на немъ, четыре живыя существа и одушевленные общимъ съ ними Духомъ зрѣчія колеса должны быть ближайшія живыя и духовныя орудія Христовой державы; такъ первыя изъ нихъ и названы у Пророка Херувимами (X и XLIII). Усвоенныя этимъ живымъ существомъ образы льва и человѣка, тельца и орла, служатъ выразительными знаками того, что высшія служебныя силы и орудія божественной державы съ грозною силою и властительностію (льва) соединяютъ краткую разумность (человѣка); и съ твердostí и простотою (тельца) парящую легкость и выпренность (орла). Лица ихъ, устремленные въ каждую изъ четырехъ сторонъ, исполненіе всего ихъ тѣла и колесъ очамъ, общее всѣмъ имъ начало жизни и управленіе

движенія ихъ голосомъ Сѣдящаго на престолѣ— все это служить прекрасною картиною горняго міра, гдѣ всѣхъ одушевляетъ одинъ Духъ Божій, всѣми править Богъ Слово, гдѣ столько разнообразія и во всемъ единство всеозаряющей Божіей любви, гдѣ небесные духи—эта краса и верхъ твореній—чужды нашей жалкой односторонности, и каждый изъ нихъ, по своей духовности и созерцательности, полонъ очей пли, по выраженію изъяснявшаго это видѣніе Св. Макарія Египетскаго, есть весь око. Эта небесная держава какъ сама по себѣ есть духовный, неприступный и всесвѣтлый огонь любви, чистоты и всемогущества, такъ и въ своихъ орудіяхъ и служебныхъ силахъ, по ихъ духовному совершенству и силѣ, огневидна и свѣтоносна (*творяй ангелы своя духи и слуги своя огнь палящъ*); и вся она покрыта свѣтлымъ облакомъ славы. Духовныя дѣйствія и движенія поражаютъ приникающихъ къ нимъ невольнымъ трепетомъ и благоговѣніемъ, — какъ громовые глаголы Вседержителя. Таково Іезекіилево видѣніе въ своей цѣлости и главныхъ частяхъ, сколько мы понимаемъ общее значеніе его.

Но нужно присовокупить. Какъ держава Христова касается существеннымъ образомъ человѣчества, да и самому Іезекіилю явилась въ отношеніи именно къ человѣкамъ, къ церкви, то явленіе оной Пророку было не отвлеченно-небесное, а предуказывало, что она такую-же откроется и въ человѣчествѣ, какова есть въ горнемъ мірѣ. И значить, въ церкви земнородныя, какъ въ совокупно-

сти ихъ, такъ и въ каждой вѣрующей душѣ Христось имѣеть наконецъ всѣмъ управлять, какъ царь, — весь составъ церкви и всѣ силы всякой души должны быть оживлены Его Духомъ и дѣйствовать по Его мановенію. — И здѣсь, какъ у небожителей, львиная мощь и властительность должны быть всегда въ самой внутренней гармоніи съ разумностію человѣка и твердость и простота телца съ быстролетностію и возвышенными пареніями орла — и церковь и каждая душа должна быть вся око и вся свѣтъ. Такое таинственное значеніе сего видѣнія самымъ уже опытомъ дознавалъ и изложилъ въ одной изъ своихъ бесѣдъ св. Макарій Египетскій. — Слѣдовательно, видѣніе это должно быть духовно вообразено въ каждомъ вѣрующемъ, но вполне оно осуществится не иначе, какъ въ церкви торжествующей; — такъ видѣлъ это и тайнозритель Іоаннъ (Апок. V, 9—14).

Но чтобы все сказанное могло осуществиться въ церкви и въ каждомъ вѣрующемъ — необходимо быть данной и открытой вѣрующимъ области для престола Богочеловѣка, — особой тверди для утвержденія на ней престола, — особымъ зрячимъ колесамъ и четыремъ животнымъ для несенія и проявленія престола благодати и Сѣдящаго на немъ Богочеловѣка. Безъ всего сказаннаго какимъ бы образомъ вѣра достигала того, чтобы Христось управлялъ всею жизнью вѣрующихъ, чтобы жизнь одушевлялась Духомъ Святымъ, чтобы означенныя четыре свойства и силы державы Христовой, раскрывались въ вѣрующей душѣ и пр.? И дѣйстви-

тельно, послѣ того какъ тайна Ново-завѣтной церкви уже открыта, можно намъ уже съ опредѣленною точностію говорить, что престоль благодати для насъ въ особенной области Богоучрежденныхъ таинствъ; твердь—сама созданная Христова церковь Новаго завѣта, содержащая всѣ способы Христовой животворной благодати; четыре носителя и проявителя славы Богочеловѣка, проявляющіе во Христѣ царственность и простоту и премудрое назначеніе для всего человѣчества и высренность Божества, — представляютъ доступный въ своей силѣ развѣ многоочитымъ Херувимамъ духъ святыхъ четырехъ Евангелій, издревле изображаемый церковію въ символахъ льва, тельца, человѣка и орла; колеса зрѣчія и подвижныя во всѣ стороны—могутъ означать разныя дарованія и проявленія вседѣйственнаго Духа благодати, Имѣвшаго открыться въ вѣрующихъ. Предъ сею-то Божественною державою, которая уже дѣйствовала чрезъ высшія служебныя силы и имѣла открыться со всѣмъ своимъ величіемъ и въ людяхъ, духъ и сила которой движутъ всѣмъ міромъ и управляютъ судьбами его и церкви, — и былъ поставленъ Іезекиль на пророческой стражѣ. Онъ долженъ былъ наблюдать ея движенія и остерегать отъ ея карательнаго для противниковъ дѣйствія, — подъ опасеніемъ, что въ противномъ случаѣ души погибшихъ взыщутся съ него (XXXIII, 1—9). Онъ долженъ былъ говорить слова Сѣдящаго на престолѣ (11; 5) и Духъ, объ-емлющій всѣ орудія и силы благодатной Его державы, исполнялъ и укрѣплялъ его (ст. 2).

II.

Войдя по возможности въ эту возвышенную и дивную сферу видѣній Пророка, углубимся вмѣстѣ съ нимъ въ раскрываемый имъ мракъ растлѣнія правовъ и наказаній за то Божіихъ. Это раскрывалъ онъ и въ видѣніяхъ и въ своихъ сильныхъ рѣчахъ какъ приточныхъ, такъ и прямыхъ.

Однажды (см. VIII гл.), когда онъ сидѣлъ вмѣстѣ со старѣйшинами изъ переселенцевъ, — *бысть на немъ рука Господня*. Онъ увидѣлъ подобіе Мужа того же самаго, какъ видно по описанію его свѣтозарности, который сначала явился ему сѣдящимъ на престолѣ. Явившійся Божественный чело-вѣкъ или Богочеловѣкъ, какъ выше видѣли мы, «простеръ какъ бы руку и взялъ его за верхъ головы.» «И понесъ меня Духъ, продолжаетъ Пророкъ, «между землею и небомъ и припесъ меня въ Божественныхъ видѣніяхъ въ Иерусалимъ къ двумъ вратамъ внутренняго двора» т. е. къ святилищу храма. Что же увидѣлъ здѣсь Пророкъ? *Увидѣлъ во святилищѣ славу Господа Бога Израилева по видѣнію*, которое выше изображено. Но въ то же время къ сѣверной сторонѣ жертвенника, у самаго входа представляется его взору идолъ (вѣроятно Вааль) изображеніе оскорбительное, раздражающее Бога (какъ говоритъ Пророкъ). «Сынъ

человѣческій — сказано было здѣсь Пророку — видишь ли, что они дѣлають. — эти большія мерзости, какія дѣлаеть тутъ домъ Израилевъ, что бы я удалился отъ святилища? Но и еще увидишь большія мерзости.» Дѣйствительно, около дверей, ведущихъ во дворъ храма, Пророкъ открылъ тайную комнату, гдѣ всякія изображенія пресмыкающихся животныхъ и гнусныхъ звѣрей и всякіе идолы дома Израилева написаны на стѣнѣ кругомъ. И семьдесятъ человѣкъ изъ старѣйшинъ дома Израилева стояли предъ ними и... у каждаго въ рукѣ кадило, и благовоніе отъ облака куреній несется къверху. За тѣмъ у другихъ дверей видитъ Пророкъ женщинъ, плачущихъ по языческому божествѣ Тамузѣ (по Іерониму Тамузъ есть греческій Адонисъ, божество красоты). Далѣе во внутреннемъ дворѣ дома Іеговы видитъ около двадцати пяти человѣкъ, стоящихъ спинами своими ко храму Іеговы, а лицомъ своимъ на Востокъ, и на Востокѣ кланяются солнцу.....

Поразительнѣйшее изображеніе того, что наши мерзости и невѣрности Богу, въ нашихъ сердцахъ и умахъ и совѣстяхъ, стоятъ прямо предъ славою Іеговы, избравшей насъ въ духовный храмъ себѣ! И поелику этотъ живой и духовный храмъ всѣхъ вѣрующихъ представляется и сосредоточивается въ видимомъ храмѣ, единственномъ ли, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, или во многихъ, какъ у насъ: то наши нечистоты и мерзости по истинѣ совершаются всегда предъ открытымъ святилищемъ, изъ котораго наконецъ удаляется оскорбленная благо-

дать, предавая его заустѣнію и разрушенію. Это и явлено Пророку по отношенію къ храму Іерусалимскому въ образецъ и урокъ для насъ: ибо Іерусалимскій храмъ былъ типомъ всѣхъ нашихъ храмовъ. Замѣтимъ притомъ еще, что вниманіе Пророка было обращено собственно на разные виды идолопоклонства. Во времена Ветхозавѣтныхъ, когда не иначе, какъ въ чертахъ видимаго, въ предметахъ природы видѣли и выражали духовное, идолопоклонство въ существѣ дѣла имѣло такое же значеніе, какое во времена Новозавѣтной духовности и разумности имѣютъ и вообще страсти, въ которыхъ человѣкъ покланяется дѣйствительно какому либу идолу, и въ особенности, чуждыя Христу, идеи и воззрѣнія на міръ и Бога. Наконецъ замѣчательно то, что прежде всего видѣлъ Пророкъ Іезекіиль мерзости старѣйшинъ предъ славою Іеговы. Вождямъ народа, въ какомъ бы ни было отношеніи, небесный Благодатель болѣе довѣряетъ, и тѣмъ болѣе ихъ приближаетъ къ себѣ: по сему и ихъ невѣрности ближе всего представляются къ сожигающему невѣрныхъ огню славы Божіей.

Возьмемъ во вниманіе другія, столько-же, выразительныя изображенія народной растлѣнности. Такъ Іерусалимъ —этотъ средоточный городъ еоократіи Пророкъ представляетъ женщиною, и съ такимъ его олицетвореніемъ проходитъ всю его исторію до современнаго растлѣннаго состоянія. Указываетъ начало сего города отъ язычниковъ (XVI, гл.): «Отецъ твой Амореянинъ и мать твоя Хеттеенка, вотъ что было при твоёмъ рожденіи. Въ

муку, оливковое масло и медъ, которыми я кормилъ тебя, ты отдавала ихъ къ услажденію ихъ обонанія. Это точно было, говоритъ Господь Іегова. И взяла сыновей своихъ и дочерей своихъ, которыхъ ты родила мнѣ, и заколола ихъ въ пищу имъ (рѣчь о приношеніи людей въ жертву Молоху), мало ли того, что ты блудила?..... ты блудила съ сосѣдями своими Египтянами (26)... Блудила ты съ Ассиріянами, не зная сытости (28)... Пустилась блудить по землѣ Ханаанской до самой Халдеи, но и тѣмъ недовольствовалась (29). Какъ должно быть испорчено сердце твое, говоритъ Господь Іегова, когда все это ты дѣлала болѣе, нежели какая либо самовольная блудница (30). «У тебя, при блудодѣйствѣ твоёмъ вышло на оборотъ противъ того, что бываетъ съ женщинами: не за тобою гонялись, и не тебѣ давали подарки, а ты давала подарки, вышло на оборотъ (т. е. Іудеи приносили мнимымъ богамъ жертвы, ничего сами отъ нихъ не получая).» Содомъ и Самарія меньше были развратны. И при всѣхъ своихъ мерзостяхъ и при любодѣйствѣ своихъ, ты не вспомнила о дняхъ юности своей, когда ты была гола, нага и брошена» (22 ст.)... Подобнымъ образомъ въ другомъ мѣстѣ олицетворяетъ Пророкъ царства Іудейское и Израильское, представляя ихъ въ видѣ двухъ женщинъ Оголы и Оголивы.» Были двѣ женщины, дочери одной матери, такъ сказано было Пророку, и блудили они въ Египтѣ, блудили въ своей молодости и т. д. изображается духовное блудодѣйство избраннаго народа, чрезъ перенятіе пороковъ

и особенно идолопоклонства, съ Ассиріянами и Халдеями (гл. 22); по разрушеніи Израильскаго царства или отверженіи Оголы, сестра ея Оголива—Иудейское царство «это видѣла и хуже ея занялась любодѣйствомъ (11 ст.). Она болѣе и болѣе продолжала блудить, вспомнивъ дни молодости своей, въ которые блудила на землѣ Египетской. (13).»

Такія изображенія Пророка замѣчательны потому, что современное разслабленіе Иудейскаго народа представляется здѣсь результатомъ прежнихъ его пороковъ и что народъ представляется въ нравственномъ отношеніи единымъ живымъ цѣлымъ, имѣющимъ и продолжающимъ особую свою жизнь. Такимъ образомъ, для исправленія народа, нужно ему покаинно припомнить всѣ прежнія злоупотребленія и грѣхи; подобно какъ всѣ, испытанныя имъ, благодѣянія промысла, которыя служатъ ему обличеніемъ и осужденіемъ. Это первое, что мы должны примѣтить здѣсь. Но сущность въ этихъ изображеніяхъ та, что сыны церкви, на которой почиваетъ завѣтная любовь Божія, при невѣрности своей Богу совершаютъ въ самомъ строгомъ смыслѣ духовное любодѣйство. Это второе! Наконецъ поелику Иерусалимъ вступилъ съ Иеговою въ тотъ самый завѣтъ, какой раскрылся въ духѣ и истинѣ для церкви Новозавѣтной, и потому былъ и въ самомъ словѣ Божіемъ представленъ живымъ образомъ послѣдней: то сыны церкви Новозавѣтной и даже цѣлые христіанскіе народы въ Божественной рѣчи объ Иерусалимѣ должны читать собственную исторію: «проходилъ я мимо тебя и увидѣлъ брошенную

въ крови твоей.... и сказалъ тебѣ: останься жива... и видѣхъ въ завѣтъ съ тобою... и омыхъ ты водою.... и ополоскахъ кровь твою отъ тебе и помазахъ ты елеемъ—и—надѣлъ на тебя чистое платье». Все это въ духѣ и истинѣ совершилось съ каждымъ христіаниномъ въ таинствахъ. И народы христіанскіе не такъ же ли измѣняютъ своему Божественному Жениху—Христу? не блуднически ли гоняются за противо-христіанскимъ въ жизни, въ наукѣ, въ политикѣ и т. д., только истощая на это свою жизнь и труды и ничего не получая, кромѣ сѣмянъ гибели? Посему и въ самомъ Новомъ Завѣтѣ слышны такія же предостереженія и угрозы слова Божія, изъ устъ самага, ставшаго плотію, упостаснаго Слова: *придутъ дніе, егда вождельте единаго дне сына чловѣческаго видѣти, и не узрите* (Лук. XVII, 22). Это Господь сказалъ своимъ вѣрнымъ ученикамъ. Подобное слово Его къ упорно или безпечно невѣрующимъ: — *еще мало время свѣтъ въ васъ есть: ходите, дондеже свѣтъ имате, да тма васъ не иметъ, и ходяи во тмѣ, не вѣсть, камо идетъ* (Іоан. XII, 35). Мнѣ подобаетъ, сказалъ Господь и доселѣ говорить въ Евангеліи, — *дѣлатъ дѣла Послазшаго Мя, дондеже день есть: придетъ ноцъ, егда никто же можетъ дѣлати* (IX, 4) И такъ Іезекіилевы обличенія духовно-правственнаго усыпленія и развращенія не мимоидутъ и христіанскаго міра.

Крайне-растлѣнное состояніе Іудейскаго народа Пророкъ изображаетъ и прямыми самыми рѣзкими и яркими чертами (смотри напр. въ XXII главѣ о-

писаніе пороковъ Іерусалима). «И было ко мнѣ слово Іеговы и сказано: ты сынъ чловѣческой, суди, суди городъ кровожадный и выскажи ему всѣ мерзости его (12) Вотъ начальствующіе у Израіля другъ другу помогаютъ въ тебѣ проливать кровь. Отцы и матери злословяху въ тебѣ, и къ пришельцу обращахуся не правдами въ тебѣ: сироту и вдовицу преобидяху въ тебѣ: и святая моя уничижаху и субботы моя оскверняху въ тебѣ. Мужи разбойницы бѣша въ тебѣ. Яко да проліють въ тебѣ кровь, (а по новозавѣтному всякъ ненавидяй брата своего чловѣкоубійца есть). Стыдъ отчій откryша въ тебѣ и въ нечистотъ сѣдящую обругаша въ тебѣ. Кійждо на жену подруга своего беззаконноваша (а по новозавѣтному, всякъ иже воззритъ на жену ко еже вожделети ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердца своемъ)... Мзды взимаху въ тебѣ...., со скончалъ еси скончаніе злобы твоя въ насиліи, менеже забылъ вси- (7—12.).... Старѣйшины среди его яко львыи рыкающе,.... души изъядающе насиліемъ, богатство и честь приѣмлюще, и вдовицы твоя умножишася посреди тебя: и жерцы его отвергошися закона моего и оскверниша святая моя, между святымъ и сквернымъ неразлучаху... между нечистымъ и чистымъ не раздѣляху и отъ субботъ моихъ покрываху очи свои оскверняху мя посреди себе. (Здѣсь замѣтимъ, что подъ такое обличеніе подходятъ всѣ наши злоупотребленія и пренебреженія священнымъ). И пророцы Его видящии суетная волхвующии ложная глаголюще: Сія гла-

голетъ Адоиаи Господь, а Господь не глагола. (съ 25 — 28). «О глупые пророки, послѣдующіе собственному своему духу и ничего не видящіе!» (Это изображеніе возвѣщающихъ высшую истину по началамъ не самой истины каковъ одинъ — Христосъ Господь, а самонравнаго своего духа и произвола). «И въ простомъ народѣ на землѣ дѣлають обиды, производять грабежи, притѣсняють бѣднаго и нищаго, пришельца гнетуть безъ всякаго права. *И искахъ отъ нихъ (жителей Іерусалима) мужа (сказано Богѡмъ и чрезъ Іезекіиля также какъ чрезъ Іеремию), живуща право и стояща цѣло предъ лицемъ моимъ ... и не обрѣтохъ.* (XII, 29—30).

Подобно во XX главѣ Пророкъ проходитъ уже не приточно, а въ прямой точности, всю исторію нечестія и развращенія избраннаго народа. «Суди ихъ судъ, сынъ человѣческой, — такъ сказано Пророку, и выскажи имъ мерзости отцевъ ихъ. *И речеши къ нимъ сія глаголетъ Адоиаи Господь: отъ него же дне избрахъ домъ Израилевъ... въ той день подъяхъ я рукою моею поклялся имъ*) еже извести я изъ земли Египетскія въ землю.... кипящую млекоу и медомъ, «которая есть краса всѣхъ земель». *И рекохъ къ нимъ: Кійжедо мерзости отъ очесъ своихъ отвержете.... и отвергошася мене и не хотѣша послушати мя..... И рекохъ еже изліати ярость мою на ня.... И (однако) сотворихъ, яко да Имя мое весьма не осквернится предъ языки.... И изведохъ я изъ земли Египетскія, и введохъ я въ пустыню, и дахъ имъ*

заповѣди моя и оправданія моя явихъ имъ, яже
 аще сотворитъ человекъ живъ будетъ въ нихъ...
 и глаголахъ къ дому Израилеву въ пустыни въ
 заповѣдехъ моихъ ходите..... и разгнѣва Мя домъ
 Израилевъ въ пустыни и въ заповѣдехъ моихъ
 не ходитъ и субботы моя оскверниша зъло.....
 и рекохъ..., еже потребити ихъ и однако опять
 пощаде я око Мое..... И рекохъ къ чадамъ ихъ
 въ пустыни: въ законѣхъ Отецъ вашихъ не хо-
 дите..... не оскверняйтесь. Азъ Господь Богъ
 вашъ, въ заповѣдехъ моихъ ходите.... И разгнѣ-
 ваша Мя, и чада ихъ въ заповѣдехъ Моихъ не-
 ходиша («и дѣти ихъ возмутились противъ Меня»)....
 Введохъ я въ землю, въ нюже воздвигохъ руку
 мою, еже дати ю имъ: и видѣша всякъ холмъ
 высокъ и всяко древо пристынное, и пожроша та-
 мо богомъ своимъ.... и положиша тамо вою
 благовопія своего.... «Вы оскверните себя на пути
 отцевъ своихъ.—Вы говорите станемъ жить, какъ
 другіе народы, какъ племена иноземныя, станемъ
 служить древу и камню». — (Нужно ли и здѣсь рас-
 крывать и повторять, что обличающее слово Бо-
 жіе съ особенною силою падаетъ на міръ христи-
 анскій, введенный въ обѣтованную землю Христо-
 вой церкви, кипящую медомъ и молокомъ Христо-
 вой истины и благодати, но съ продолженіемъ вре-
 мени начавшій идола служить предъ ис-
 туканами собственныхъ измышленій и увлеченій,
 — предъ идолами папскаго главенства или своеволь-
 ной мнимой раціональности, а то буде (лосткой
 самовозносливой своей правды?!..) Въ особенности

обличалъ Пророкъ вождей народа—всѣхъ начальниковъ, судей, священниковъ: «О пастыри Израилевы, которые пасли самихъ себя? Не овецъ ли надлежало пасти пастырямъ? жиръ ѣли вы и волною одѣвались, тучныхъ овецъ закалали, а стада не пасли! слабыхъ не поддерживали, больной овцы не изцѣляли, раненой ранъ не перевязывали, угнанной не возвращали, затерявшейся не искали, а правили ими съ жестокостію и свирѣпостію (34, 4). Богачей или сильныхъ, притѣсняющихъ бѣдность, (а вмѣстѣ съ ними и духовныхъ немилосердыхъ богачей пользующихся благами Христовой милости и благодати но безпощадныхъ и не сочувственныхъ къ немощамъ и нуждамъ другихъ)—Пророкъ представляетъ тучными овцами, которыя сами пасутся на хорошей пажити, а оставшееся для прочихъ топчуть ногами, сами пьютъ чистую воду, а оставшуюся для другихъ мутятъ ногами (18.). Лже-пророковъ, обѣщавшихъ невѣрному предъ Богомъ народу благоденствіе, сравнивалъ Іезекіиль съ обмазывающими и подкрашивающими разрушающуюся и готовую упасть стѣну;—такъ же лже-пророчицъ, изъ корысти льстившихъ народу, уподоблялъ швеямъ, дѣлающимъ подушки изголовья для усыпленія грѣшниковъ. «И рука моя, сказано о подобныхъ ласкателяхъ и усыпителяхъ народнаго духа,—рука моя будетъ на пророковъ, видящихъ пустое.... въ числѣ народа моего уже ихъ не будетъ.... и въ землю Израилеву они не войдутъ, и узнаете, что я Іегова». (XIII, 9.). Пророкъ видѣлъ, что самыя бѣдствія,—война, опустошенія,—не исправляютъ народъ Іудейскій. Хотя

Иезекииль и находился уже въ плѣну, но не скрывались отъ него измѣническія сношенія Іудей, которую уже подчинилъ себѣ Навуходоносоръ съ Египтомъ. Пророкъ это и прямо обличалъ, предрекая за измѣну гибель царю и народу (XVII г.), и тоже изображалъ въ выразительной притчѣ о великомъ орлѣ, взявшемъ подъ свое попеченіе виноградную лозу, которая однако склонилась кистями и вѣтвями своими къ другому подобному орлу и отъ того погибла;—виноградная лоза—Іудея, первый орелъ—держава Навуходоносора, другой орелъ—Египетъ.

Зналъ Св. Провидѣць надменные и жестокіе отзывы Іудеевъ, жившихъ еще въ отечествѣ, о плѣнныхъ переселенцахъ, какъ объ отчужденныхъ уже отъ обѣтованія (См. XI г.). Сышалъ онъ, не смотря на дальнее пространство, самонадѣянные толки оставшихся въ Іудей послѣ уже опустошенія земли, что, если Аврааму одному была обѣтована эта земля, то тѣмъ болѣе она будетъ принадлежать имъ многимъ (XXXIII г.). Сами плѣнные переселенцы, жившіе съ Пророкомъ, не успокоивали его духа: «Сынъ человѣческой, —такъ было открито Пророку, —сыны народа твоего между собою разговариваютъ о тебѣ... подите; послушайте, какое слово вышло отъ Іеговы. Они приходятъ къ тебѣ какъ на народное сходбище.... Они въ устахъ своихъ дѣлаютъ изъ этого забаву.... Вотъ ты у нихъ какъ бы пѣснь для забавы. Голосъ у тебя пріятный, на струнахъ хорошо играешь и они слова твои слушаютъ, но не исполняютъ ихъ» (тамъ же). Особенно пламенѣлъ въ Пророкѣ гнѣвъ

Божій на тѣхъ, которые сами построятъ разные мечтательные призраки высочайшаго блага и истины (идолы) и поклоняются имъ, однакожь лицемерно приходятъ къ Пророку послушать или спросить слова Божія: «если кто изъ дома Израилева и изъ переселенцевъ, которые поселились у Израиля, отложится отъ Меня и идоламъ своимъ даетъ доступъ къ сердцу своему..... и придетъ къ Пророку спросить меня чрезъ него: то я Іегова самъ дамъ ему отвѣтъ и обращу лице свое на того челоука и сдѣлаю его памятникомъ и притчею и узнаете что Я Іегова....» (XIV, 7—8).

Вообще Пророкъ, въ нравственномъ отношеніи, сравнивалъ Іудейскій народъ съ виноградною лозою обожженною, которая негодится ни на какое издѣліе. «Что значить дерево виноградной лозы предъ всѣми вѣтвистыми деревьями?... берутъ ли изъ него хоть на гвоздь?... А вотъ оно положено въ огонь на сожженіе, два конца его жжетъ огонь, а середина его обгорѣла: годится ли оно на какое издѣліе? Если и тогда, какъ оно было цѣло, не лзя было сдѣлать изъ него никакого издѣлія, то наипаче, когда жегъ его огонь и оно обгорѣло, возможили же сдѣлать изъ него какое издѣліе? «(XV гл.)». Вотъ что Іерусалимъ (такъ глаголетъ Богъ чрезъ Іезекиля). Я поставилъ его среди другихъ народовъ и вокругъ его земли, — и онъ беззаконно противился моимъ постановленіямъ болѣе, нежели земли вокругъ его (VI, 6). Вина дома Израилева и Іудина весьма велика, и земля полна крови, и городъ исполненъ не правосудія (IX 9). *Сыне челоуць*, сказано Іезекилю, —

посредь неправых ихъ ты живши, иже очи имутъ видѣти, и не видятъ, и уши имутъ еже слышати, и не слышатъ: зане домъ преогорчаваяи есть (XII, 2). Все это только нѣкоторыя черты, какими изображаетъ Пророкъ растлѣнное состояніе Іудеевъ. Посмотримъ теперь, какую безпощадною карою поражаетъ ихъ черезъ Іезекіиля Іегова.

Не пощадитъ око мое и не помилю, такъ непрестанно говоритъ Господь у Іезекіиля, грозя народу Іудейскому. *«Судъ по путямъ твоимъ воздамъ тебѣ и мерзости твои за тобою будутъ и узнаешь, что я Іегова каратель... поидетъ бѣда за бѣдою* (VII г.)» Пророку даются самыя разнообразныя и поразительныя откровенія о наказаніи Іудеевъ. Такъ, въ упомянутомъ выше восхищеніи его въ Іерусалимскій храмъ, онъ видѣлъ, какъ слава Іеговы (въ извѣстномъ уже намъ видѣ своемъ) постепенно оставляетъ храмъ, исходя сначала изъ внутренняго храма къ порогу дома Божія, находящемуся между жертвенникомъ и притворомъ (IX, 3, гл. VIII, 36), отсюда ко вратамъ, ведущимъ въ храмъ съ восточной стороны (X, 19), наконецъ съ этаго крайняго предѣла храма—на гору, лежащую на востокъ отъ города (XI, 23). Выразительное видѣніе любви Божіей, отдаляющейся или отворачивающейся отъ своего избраннаго, но невѣрнаго предъ нею, народа! (Въ отношеніи же къ новому Израилю и къ живому храму, создаемому изъ духовныхъ камней—вѣрующихъ, замѣтимъ, что движеніе благодатнаго изъ внутренности умовъ и сердець во внѣшность обрядности и наружнаго

благочестія, или направленіе вѣры не столько къ живому и свѣтлому уразумѣнію и усвоенію Христовой благодати и истины, сколько къ наружнымъ дѣламъ благочестія, знаменуетъ уже неблаговоленіе Божіе или начинающееся крещеніе на чадъ вѣры.). Притомъ, Пророкъ и прямо слышалъ, какъ давались отъ Сѣдящаго на престолѣ повелѣнія служителямъ его гнѣва — бить до смерти старика и юношу и дѣвицу и младенца и женщинъ: *отъ освященныхъ моихъ начните*, т. е. «со святилица,» — съ священниковъ и первосвященника, — не жалѣй ихъ око ваше, и не милуйте (IX, 5. 6 ст.); при чемъ онъ видѣлъ, какъ однимъ изъ нихъ взяты были изъ среды тогоже явленія славы — пылающіе уголья, чтобы бросить ихъ на городъ (X, 27. 6). Это есть самое внутреннее движеніе небеснаго гнѣва, созерцаемое въ области чисто-духовной, — мановеніе Іеговы служебнымъ духамъ совершить казнь надъ прегрѣшившими; внѣшнія губительныя бѣдствія составляютъ уже раскрытіе въ мірѣ этаго вышемірнаго Божественнаго суда надъ измѣнившимъ своему призванію Божіимъ народомъ. (Новому же Израилю, конечно, особенно страшны должны быть казни духовнаго губительства надъ умами и сердцами...)

Иудейскому царству предрекается вообще такая же участь, какая прежде постигла Израильское царство. «Такъ говоритъ Господь Іегова: выпьешь чашу сестры своей, глубокую и широкую и упадешь посмѣянію и поруганію, сколько возможно болѣе. Опьяненіе и большое расслабленіе по-

«лучишь отъ ней,» чашу ужаса и оцѣпенія, чашу «сестры твоей Самарія. Выпьешь и ососешь и черенки ея оближешь, и груди свои истерзаешь, «ибо я, Іегова сказалъ, —говорить Господь Іегова» (XXIII, 32—34). Эта чаша есть совершенное опустошеніе земли, какъ было опустошено прежде Израильское царство: «во всякомъ мѣстѣ жительства вашего раззорены будутъ города» (VI, 6). (Постигла, на пр., бѣда духовнаго опустошенія западное Христіанство; но тоже опустошеніе умовъ и сердце и вообще духа общественнаго грозить и другой, имѣющей у себя храмъ Православія, половинѣ Новозавѣтнаго Израйля, если и она входитъ въ духъ западныхъ неправомыслей). «И опустѣютъ населенные города и земля сдѣлается пустынею и узнаетъ, что я Іегова» (XII, 20). Сюда же относится отнятіе царя (подъ царями же для духовнаго Израйля разумѣются, конечно, заправляющіе образомъ мыслей и нравами начала): Пророкъ представляетъ Іудею львицею, выпускающею одного за другимъ своихъ львенковъ — на погибель, т. е., царей на плѣненіе и смерть... Въ особенности грозить Пророкъ оскверненіемъ и разрушеніемъ храма, содѣлавшагося предметомъ только народной гордости, при безславіи его грѣхами. «Скажи дому Израилеву: такъ говоритъ Господь Іегова: вотъ я оскверню святилище мое, величественный предметъ гордыни вашей, пріятное для глазъ вашихъ и любезное для души вашей (XXIV, 21.).» Еще въ одномъ изъ первыхъ откровеній Пророку повелѣно было символически представлять самую осаду Іе-

русалима: «возьми себѣ кирпичину и начертай на ней градъ Іерусалимъ.... И осаждай его» (IV, 1.), при семъ онъ долженъ былъ лежать на одномъ боку 390 дней за грѣхи царства Израильскаго и 40 дней за грѣхи Іудейскаго, въ ознаменованіе долговременности и застарѣлости нечестія народнаго, и питаться ячменнымъ хлѣбомъ, испеченнымъ на коровьемъ помѣтѣ и притомъ изъ муки, взятой въ мѣру. — въ ознаменованіе того, что Іудеи должны будутъ питаться оскверненнымъ и притомъ скуднымъ хлѣбомъ. (Само собою разумѣется, что не иначе, какъ въ грядущемъ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, или по участію въ Христовомъ человѣколюбіи, Іезекилю дано выносить на себѣ эту отвѣтственность за грѣхи роднаго народа). Бѣдствія осады Іудеевъ въ Іерусалимѣ представлялъ Пророкъ подь образомъ варимыхъ въ разжигаемомъ котлѣ мясъ, также надь образомъ переплавлавки нечистаго металла. Участь имѣвшую постигнуть Іудеевъ и за взятіемъ Іерусалима, сначала символически и потомъ прямо представлялъ Пророкъ такою, что часть изъ нихъ должна быть истреблена моровою язвою, часть умереть отъ язвы и голода, часть пасть отъ меча и часть разсѣяться по лицу земли (V г.): въ символъ къ изображенію сего были употреблены обритые волоса Пророка, которыхъ часть была, по повелѣнію Божію, сожжена на огнѣ, часть изрублена мечемъ и еще часть развѣяна по вѣтру. (Страшны и внѣшнія подобныя казни; но духовный Израиль долженъ имѣть въ виду тотъ духъ

этихъ казней, по которому забывающіе Христа Христіане поражаются то моровою язвою тѣхъ или другихъ губительныхъ идей, то голодомъ лишенія живительнаго и общедоступнаго разумѣнія слова Божія, то отъ изощренія противъ нечистивыхъ меча того же слова Божія, то разсѣяніемъ по разнымъ странамъ разнонаціольныхъ заблужденій). Пророкъ то видѣлъ идущій на Іудею мечъ, изощренный и блистающій на все закалаемое, то огонь на южный лѣсъ: такъ изображается у Пророка Вавилонскій завоеватель, имѣвшій напасть на Іудею съ сѣвера. Самое сѣтованіе и скорбь народа отъ сихъ бѣдствій будетъ какое-то томленіе и тѣснота душъ, которыя не будутъ облегчаться внѣшнимъ изліяніемъ и выраженіемъ: въ ознаменованіе этого Пророку запрещено было выражать внѣшнимъ образомъ скорбь объ умершей внезапно любимой его супругѣ. — онъ долженъ былъ только внутренно снѣдаться скорбію. — *И сыновья ваши и дочери ваши, сказано при семъ чрезъ Пророка, мечемъ надутъ. И сотворите, якоже азъ сотворихъ, не будете терзаться ниже плакати, и истааете въ неправдахъ вашихъ и не утѣшите кійждо брата своего. И будетъ вамъ Іезекиль въ чудо,* — «въ знаменіе» (XXXIV. 21). Для изображенія плѣна Іудеевъ Пророку повелѣно было самому какъ бы переселяться изъ одного мѣста въ другое: «при глазахъ ихъ (Іудеевъ), возьми ношу на плечо и отправься въ темнотѣ; лице свое закрой и земли не долженъ ты видѣть.... скажи: я служу вамъ указателемъ; что я сдѣлалъ, то бу-

детъ сдѣлано и съ вами. Они пойдутъ на переселеніе въ плѣнъ.... въ Вавилонъ, въ землю Халдейскую» (XII г.). — Движеніе Навуходоносора къ Іерусалиму для рѣшительнаго его покоренія и разрушенія Пророкъ слѣдилъ такъ, какъ бы самъ находился въ его войскѣ, между его приближенными. Онъ видѣлъ, какъ завоеватель задумался—куда направиться сначала,—на Іерусалимъ или противъ Аммонитянъ, какъ прибѣгли за рѣшеніемъ этаго къ языческимъ суевѣрнымъ средствамъ, какъ наконецъ измѣна Седекіи рѣшила Вавилонскаго царя поспѣшить къ Іерусалиму. Приступъ его къ Іерусалиму узналъ Пророкъ въ своемъ дальнемъ плѣну въ тотъ же самый день (XXIV, 1. 2.). Видѣлъ онъ и напрасное усиліе царя (Седекіи) спастись бѣгствомъ изъ Іерусалима по его завоеваніи Навуходоносоромъ. Даже тѣмъ не многимъ, которые остались въ Іудеи послѣ ея опустошенія и плѣненія большей части жителей, данъ чрезъ Іезекіиля за ихъ самонадѣянность приговоръ къ гибели.

Все это и подобное сему изрекалось у Пророка такимъ грознымъ тономъ и въ такомъ духѣ, который выраженъ у него же: «такъ говоритъ Господь Іегова: всплесни руками твоими, и топни ногою твоею, и скажи: бѣда за всѣ мерзости твои (VI, 11).» Такъ онъ, поражая издали Іудеевъ палестинскихъ, смирялъ и живущихъ съ ними переселенцевъ. Указанная выше легкомысленная ихъ внимательность къ нему, не болѣе какъ къ играющему для ихъ забавы музыканту, или же упрекъ, за чѣмъ говоритъ онъ все полтами, или другія

пререканія служили внѣшнимъ поводомъ къ во-
одушевленію его гнѣвнымъ Духомъ Божіимъ: точно
противъ упорства и ожесточенности народа Іегова
сдѣлалъ и чело Пророка (по выраженію его же
книги) «твердымъ и крѣпкимъ, какъ алмазь, крѣп-
че камня» (III г.). Но и самъ Пророкъ, исполнен-
ный гнѣва Божія, приходилъ въ смущеніе и ужасъ
отъ этой, имъ же самимъ раскрываемой безпощад-
ной грозы разрушенія всего ветхо-завѣтнаго уст-
роенія и порядка вещей. Нѣкоторыя рѣчи его, въ
которыхъ предрекаются самыя близкія кары грѣш-
никамъ, своею неравностію и отрывочностію сви-
дѣтельствуютъ о собственномъ его смятеніи Ду-
хомъ Божіимъ (см. на пр. VII г.): «вотъ бѣда,
бѣда единственная! Конецъ пришелъ, пришелъ ко-
нецъ! Воспрянуть на тебя. Вотъ дошла, дошла
череда до тебя, житель земли!» Въ видѣніи того,
какъ духовные служители гнѣва Божія поражаютъ
всѣхъ, Пророкъ «паль на лице свое и зарыдалъ: о
Господи Іегова! неужели Ты погубишь весь оста-
токъ Израиля, изливая гнѣвъ свой на Іерусалимъ?
(IX, 8).» Сказать это, судя по времени Пророка,
значило сказать такъ: неужели ты вовсе отъ-
емлешь отъ церкви своей благодать, неужели нѣтъ
и спасенія никому изъ чадъ церкви Твоей??

Въ такую-то темную глубину вошелъ Пророкъ,
обличая нечестіе и предрекая за него наказаніе.
Это за показаннымъ выше вступительнымъ отдѣ-
леніемъ—второй отдѣлъ содержанія его книги. —
Какъ же онъ нашелъ выходъ изъ этой глубины?

III.

Та же самая сила, которая увлекала его въ этотъ глубокий мракъ, уже содержала въ себѣ все, чтобы поднять его къ свѣту благодати. Ибо она сама и была именно любовь Божія, избравшая Іудейскій народъ въ особый заветный народъ. Господь обличалъ и каралъ, чрезъ Пророка, свой народъ собственно для того, чтобы удержать его въ узахъ завета своей любви, чтобы потребить въ немъ все, отрѣвляющее Божію любовь. Это выражается даже въ самыхъ грозныхъ рѣчахъ Пророка. *О граде кровей, конобе, въ немъ же есть ядъ. О, городъ кровожадный и котель, внутри наполненный ржавчиною, изъ котораго ржавчина не выходитъ.... такъ говоритъ Господь Іегова: «о, городъ кровожадный! И я разложу большой костеръ. Много дровъ сожжетъ огонь. Мясо все разварится.....и кости перегорятъ; и потомъ, когда котель будетъ пустъ, поставлю его на уголья его, чтобы расплавилась мѣдь его..... и вся ржавчина его исчезла..... До усталости онъ томить меня.... и въ огнѣ остается на немъ ржавчина... я чищу тебя, а ты все нечистъ, отъ нечистоты своей ты и впредь неочишься, пока не удовольствую ярости моей на тебѣ (XXIV г.).»* Слѣдовательно, намѣреніе самыхъ грозныхъ обличеній и наказаній есть очистить Іу-

деевъ отъ ядовитой ржавчины, — намѣреніе спасающей отъ грѣховъ Божіей любви. Въ другой разъ Пророкъ въ угрожающей же рѣчи говоритъ: «Вы говорите: станемъ жить, какъ другіе народы, какъ племена иноземныя..... . Живу Азь, глаголетъ Адонай Господь: сильною рукою и простертою мышцею и изліяннѣмъ гнѣвомъ возцарствую надъ вами..... И поведу васъ пустынею народовъ..... поведу васъ подъ жезломъ и положу на васъ узы завѣта» (XX и сл.). Слѣдовательно, грозная, наказующая Іудеевъ, десница есть собственно завѣтная Божія любовь, которая покоряетъ ихъ себѣ какъ бы противъ ихъ воли — подобно въ другомъ мѣстѣ: «За развратъ свой и за мерзости свои терпи же ты, говоритъ Господь Іегова..... И Я долженъ былъ поступить съ тобою, какъ поступила ты, которая нарушила союзъ, пренебрегла клятву. Но Я помню союзъ Мой съ тобою, во время юности твоей и держу вѣчный союзъ» (XVI г.). На жалобы Іудеевъ, которымъ въ обличеніе ихъ были припомнаны и грѣхи отцевъ ихъ: *отцы ядоша терпкое, и зубамъ чадъ ихъ искомина быша*, — любовь Божія открылась прямо съ стремленіемъ своимъ усвоиться всѣмъ и всѣхъ оживотворить, милующею всѣхъ пріемлющихъ и отвращающею кого бы-то ни было, только за собственное его противленіе: *еда хотѣлиемъ восхоуи смерти грѣшника, а не еже обратитися ему отъ пути зла и живу быти ему?.. Понеже не хоуи смерти грѣшника умирающаго, глаголетъ Адонай Господь, но еже обратитися ему отъ пути своего*

и жизни души его (XVIII гл.). Подобно на вопли унынія наказуемыхъ грѣшниковъ: прелести наша и беззаконія наша въ насъ суть, и мы въ нихъ таемъ, — также прямо и выразительно высказываетъ себя спасающая божественная любовь: живу Азъ, глаголетъ Адоами Господь, не хочу смерти грѣшника, но еже обратится ему отъ пути своего и живу быти ему (XXXIII г.).

Посему-то при самыхъ безпощадныхъ карахъ, изрекаемыхъ Иудеямъ чрезъ Іезекііля, оставляется изъ нихъ тѣмъ же словомъ Божиимъ, остатокъ добрыхъ или исправляющихся. Такъ Пророкъ, символомъ своихъ волосъ изображая участь своего народа, малую часть волосъ всё же оставляетъ при себѣ; и хотя изъ этого остатка своихъ волосъ также еще беретъ нѣсколько и бросаетъ въ огонь, но остатокъ не истощенъ вовсе. Такъ Іегова, посылая служителей своего гнѣва поражать преступныхъ, одному изъ нихъ повелѣваетъ полагать на нѣкоторыхъ изъ народа таинственный знакъ буквы *тавъ*, имѣвшей по древнему Еврейскому письму фигуру креста, и запрещаетъ совершителямъ казни касаться запечатлѣнныхъ этимъ таинственнымъ крестообразнымъ знаменіемъ; намъ не трудно угадать, что это — сохранившіе въ тогдашнихъ злостраданіяхъ вѣру и чрезъ это предусвоившіе силу крестныхъ страданій Мессіи. Въ другомъ мѣстѣ Господь чрезъ Пророка открываетъ, что за пороки и нечестія земли слѣдовало бы поразить всѣхъ ея обитателей и что, если бы между ними нашлись и такіе праведники, каковы Ной, Іовъ и отчасти со-

временный Іезекіилю Давіилъ, то должны бы только они одни снастися, и даже безъ своихъ дѣтей. Однако съ народомъ Іудейскимъ не такъ будетъ поступлено: при жестокихъ и разнообразныхъ казняхъ, постигающихъ его, — се оставлени въ немъ спасенія отъ него, *сѣи изведутъ сыны и дщери* (XIV, 22 гл.). *Се тѣи изыдутъ къ вамъ*, — продолжаетъ Пророкъ къ товарищамъ своего плѣна, — *и узрите пути ихъ и помышленія ихъ и раскаятесь въ злыхъ* (т. е. помиритеся съ тѣми бѣдствіями), *я же наведу ихъ на Іерусалимъ..... и утѣшатъ васъ ... и уразумѣете, яко не всуе сотворилъ есмь вся, елика сотвори ихъ въ немъ, глаголетъ Адоуаи Господь* (тамъ же). Подобнымъ образомъ съ силою говоритъ Пророкъ за переселившихся противъ палестинскихъ Іудеевъ, отчуждавшихъ переселенцевъ отъ завѣта избранія.

Такимъ образомъ въ самыхъ обличеніяхъ и угрозахъ Пророка выражалась спасительная любовь Божія, ищущая между Іудеями и, такъ сказать, выработывающая добрый остатокъ, который долженъ быть сѣменемъ къ возрожденію въ народѣ Божіемъ всего разрушеннаго, — или таящуюся подъ пепломъ искрою, отъ которой возсіяетъ наконецъ свѣтъ обѣтованной благодати.

Сюда же относятся и изъ того же начала завѣтной съ Израилемъ Божественной любви объясняются грозныя предреченія на языческіе народы. Они были возвѣщаемы, какъ по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видно, — въ то время, когда крѣпкая рука Божія тяжелѣе и тяжелѣе опуска-

лась на Іудеевъ. Эти предреченія на языческіе народы находятся въ той связи съ судьбой Іудеевъ, что первые поражаются грозными Божественными приговорами, за гордость и вмѣстѣ за непріязненность къ Іудеямъ. Слѣдовательно, когда та же десница, которая отяготѣла на Іудеяхъ, низлагала въ то же время за самую враждебность къ нимъ другіе народы: то очевидно, что сія десница, въ отношеніи къ Іудеямъ, была отеческая, милующая ихъ въ самомъ наказаніи. Пророчества на нѣкоторые языческіе народы отличаются особенною яркостью и силою, такъ что, въ сравненіи съ ними, пророческія рѣчи собственно къ Іудеямъ суть какъ бы безыскусственные домашнія объясненія Богопоставленнаго ихъ стража, а напротивъ, въ рѣчахъ къ язычникамъ Пророкъ является во всемъ величіи, со всею грозною важностію Божественнаго посланника ко внѣшнимъ врагамъ. Таковы именно пророчества, состоящія изъ трехъ и болѣе рѣчей *на Тиръ и Египетъ*. Пророчества же на Аммонитянь, Моавитянь, Іудумеевъ, Филистимлянъ—самыя краткія; напр. вотъ что сказано о Моавитянахъ: «поелику Моавъ съ Сеиромъ говорятъ: вотъ и домъ Іудинъ то же, что и всѣ народы: за то вотъ я начинаю съ городовъ... и произведу надъ Моавомъ судъ. Или на Аммонитянь: «поелику ты рукопле-скалъ и топалъ ногою своею и со всѣмъ злорадствомъ своимъ радовался, смотря на землю Израилеву: за то вотъ я простру руку мою на тебя и отдамъ тебя на расхищеніе народамъ и истреблю тебя и узнаете, что я Іегова» (гл. XXV).

Со всѣмъ инаковы указанныя пророчества на *Тиръ и Египетъ*. Вотъ что предречено напр. о Тирѣ: «было ко мнѣ слово Іеговы и сказано: — такъ начинается Пророкъ, — Сынъ челоѳическій! Поелику Тиръ говорить о Іерусалимѣ: а! а! разбиты врата народовъ, перейдетъ онъ ко мнѣ, напому себя по опустошеніи его; за то такъ говорить Господь Іегова: «вотъ я взгляну на тебя Тиръ, и подниму на тебя многіе народы, какъ море поднимаетъ волны свои. И они разобьютъ стѣны Тира и разрушатъ башни его и вымету съ него землю, и оставлю его голою скалою. Онъ среди моря будетъ мѣстомъ для разстиланія сѣтей. Ибо я говорю» и т. далѣе. Точно, въ такомъ видѣ находятъ теперь путешественники мѣсто Тира, — именно голою, подводною даже, скалою. Предвидя вѣчное заустѣніе сего города (новый Тиръ построенъ уже на другомъ мѣстѣ), Пророкъ изображаетъ, какъ бы на прощаніи съ нимъ всю его славу, его всемірную торговлю и влачевно поетъ о немъ: «кто подобенъ былъ Тиру, покоившемуся среди морей?» (это въ XXVII-й главѣ, которая, сказать мимоходомъ, составляетъ важный источникъ для составленія географіи и статистики древняго міра). «Сердце твое возгордилось, — такъ обращается Пророкъ къ Тирскому царю, и ты говоришь: я богъ, живу въ Божіемъ жилищѣ, въ сердцѣ морей.... за то вотъ я приведу къ тебѣ иноземцевъ, лютѣйшихъ изъ народовъ, и они обнажатъ мечи свои на прекрасный твой умъ и снимутъ съ тебя блескъ твой.... скажешь ли тогда предъ своимъ убійцею «я богъ»?

Нѣтъ; въ рукѣ заколающаго ты будешь человѣкъ, а не богъ». Съ одной стороны такая безпримѣрная гордыня, и съ другой безпримѣрная же слава Тира были причиною, что Пророкъ даже паденіе его изображаетъ чертами паденія горделиваго денницы, или въ первомъ видѣннѣ образъ послѣдняго. «Сынъ человѣческій! Произнеси плачевную пѣснь о царѣ Тирскомъ и скажи ему: такъ говоритъ Господь Іегова: ты положилъ собою печать совершенству. при обширномъ умѣ, ты отличался полною красотою. Ты находился въ Эдемѣ, въ саду Божіемъ, всякими дорогими каменьями блистало облаченіе твое... *ты былъ ширококрылый, остыняющій херувимъ, и я поставилъ тебя на святой горѣ Божіей.* ты ходилъ среди огнистыхъ каменьевъ. Ты *вполнѣ совершенъ былъ во всѣхъ путяхъ своихъ* со дня рожденія своего, доколѣ неоказалось въ тебѣ беззаконія..... отъ красоты твоей возгордилось сердце твое, ты потерялъ умъ свой и блескъ свой. Я повергъ тебя на землю». Ясно, что нѣкоторыя здѣсь черты не подходятъ къ Тиру, а взяты съ паденія образца *совершенствъ*, высшаго *херувима*, — *горделиваго денницы*. Такое восхищеніе отъ земнаго къ духовной области совершенно свойственно тогдашнему времени: гордыня, уравнивающая себя Богу, и благоденствіе самаго Тира, превышающее всѣ земные виды счастія и чести, духу времени, обыкшему читать въ земномъ духовное, — прямо могли указывать на прежнюю славу и паденіе отъ горделивости — діавола. Но съ другой стороны представленія величія и славы властелин-

ства Тирскаго (принадлежащаго міру языческому) именно въ образѣ и подъ именемъ «ширококрылаго херувима», находящагося «на святой горѣ Божіей среди огнистыхъ каменьевъ» служить прямымъ свидѣтельствомъ слова Божія о томъ, что и въ язычествѣ лучшее, въ чемъ еще блюлось отраженіе высшаго духовнаго, принадлежитъ собственно благодатной Божіей державѣ, дѣйствующей въ Св. Церкви. *Херувимское ложеніе среди огнистыхъ камней на святой Божіей горѣ*, очевидно, составляетъ принадлежность того явленія водворявшейся въ храмъ славы Божіей, которое знаменуетъ благодатную Божію державу (какъ мы это видѣли выше).—Но продолжимъ слѣдить Іезекіилево пророчество.

Столь же сильными и рѣзкими чертами, какія видны въ пророчествѣ о богатомъ и роскошномъ Тирѣ, предрекается Пророкомъ Іезекіилемъ грозная судьба Египту. Пророкъ между причинами гнѣва Божія на Египеть поставляетъ даже и то, что онъ былъ слабою тростию для избраннаго народа, т. е. что онъ лстилъ Іудеямъ своимъ покровительствомъ и между нимъ и Іудеями составилъ, вопреки воли Божіей, союзъ противъ Навуходоносора. Господь столько любитъ свой народъ, что и тѣ, которые давали ему только случаи къ преткновенію и невѣрности, тяжело наказываются. Все это имѣетъ по самому существенному своему значенію понятное приложеніе къ намъ, Христіанамъ.

И такъ по возможности услужено то, какъ Іезекіиль, поражая и грозя безпощадно грозными пред-

реченіями, этимъ самымъ путемъ мрака и ужаса шель, или какъ бы чрезъ твердыню пробивался къ видѣнному имъ свѣту милости и любви Божественной.

IV.

Посмотримъ наконецъ, какъ самый этотъ благодатный свѣтъ раскрывается у Пророка.

Сначала Іезекіиль предрекаетъ вмѣстѣ съ раскаяніемъ Іудеевъ окончаніе ихъ плѣна, возвращеніе Іудеевъ въ свое отечество, возстановленіе Іерусалима и храма. При чтеніи пророческихъ мѣстъ, касающихся этихъ предметовъ, нужно смотрѣть на предметы съ точки зрѣнія пророческой и для сего имѣть въ виду слѣдующее, что имѣетъ приложеніе и ко всѣмъ пророческимъ книгамъ. Такъ какъ именно силою и предварительнымъ дѣйствіемъ благодати должно было совершиться это гражданско-церковное возстановленіе Іудеевъ (что еще Исаія ясно выражалъ): то отсюда происходило первое то, что пророчества о сихъ событіяхъ соединены самымъ внутреннимъ образомъ съ пророчествами о Благодати, о Мессіи. Это замѣчается и у другихъ пророковъ, а у Іезекіиля имѣетъ тѣмъ болѣе мѣста, что все сѣновное и внѣшнее устройство церкви, предъизображавшее благодать Христову, было въ его время разрушено, и потому ему было тѣмъ

естественнѣе, такъ сказать, возводить взоры къ лицу самой благодати. Второе слѣдствіе той же причины: избавленіе Іудеевъ отъ Вавилонскаго плѣна, какъ предварительное дѣйствіе и предъявленіе благодати, было потому выразительнымъ образомъ и залогомъ самага явленія благодати, и отсюда у Пророка изображается оно отчасти такими чертами, которыя превышаютъ это событіе и могутъ быть приложены въ точности развѣ къ благодатному Христову Царству.

Имѣя въ виду первое, т. е. внутреннюю связь пророчествъ о концѣ плѣна и возстановленіи Іудеевъ съ пророчествами о самомъ Мессіи, и зная тому причины, мы будемъ отдѣлять эти пророчества одни отъ другихъ, уже ни мало не затрудняясь кажущимся смѣшеніемъ ихъ у Пророка. Имѣя въ виду второе, т. е. образное значеніе предреченнаго Іезекіилемъ конца Вавилонскаго плѣна, мы будемъ указывать, гдѣ въ предреченіяхъ Іезекіиля, относящихся къ освобожденію изъ плѣна, есть отраженіе времени благодатнаго, и не будемъ имѣть уже нужды распространяться въ изъясненіи сего.

Пророкъ говоритъ, что завѣтный союзъ между Іудеями и Богомъ приметъ опять свою прежнюю силу послѣ настоящихъ наказаній. *И вспомяну Азъ завѣтъ мой иже съ тобою (именно съ олицетвореннымъ въ рѣчи Пророка Іерусалимомъ представителемъ всей Іудеи) во днесь младенства твоего, и возставлю тебѣ завѣтъ вѣчный и увѣси, яко Азъ Господь, яко да помяниши и усрамишия и не будетъ тебѣ къ тому отверзта уста*

твоихъ отъ лица безчестія твоего («отъ стада твоего»), егда милостивъ буду тебѣ по всѣмъ, елика сотворила еси, глаголетъ Адоиа Господь (XVI, 60-63). Здѣсь въ пророческомъ изображеніи возстановленія прежняго завѣта и покаяннаго стыденія Іудеевъ нельзя не видѣть отраженія вѣчнаго съ церковію завѣта Христовой благодати, даруемой подь условіемъ искренняго покаянія.

Возстановленіе самаго народа Іезекіиль изображаетъ въ такомъ величественномъ видѣніи, что и здѣсь ярко отражается благодатное возрожденіе и оживленіе церкви во Христѣ, предъявляющее славу будущаго воскресенія мертвыхъ. *И бысть на мнѣ рука Господня, и изведе мя въ Дусть Господни, и постави мя среди поля, ее же бяше полно костей чловѣческихъ.... и се сухи зыло и рече ко мнѣ сыне чловѣчь! оживутъ ли кости сія? и рекохъ, Господи Боже, Ты вѣси сія, и такъ далѣе. И ожиша и стаха на ногахъ своихъ, соборъ многъ зыло... И рече Го подь ко мнѣ... сія кости весь домъ Израилевъ есть, ти бо глаголютъ: сухи быша кости наша, погибе надежда наша.... Се Азъ отверзу гробы ваша, и изведу васъ отъ гробъ вашихъ людіи мои, и введу вы въ землю Израилеву. И дамъ Духъ мой въ васъ и поставлю вы на земли вашей (XXXVII, 1—14).* Дарованіе Духа Божія послѣдовало уже по прославленіи Христа: и такъ предъ взорами Пророка, предвозвѣщающаго возстановленіе плѣннаго народа, предносилось благодатное, оживленіе вѣрующихъ во Христѣ (въ чемъ имѣю предъявиться и

всемірное вѣскресеніе). Ибо Израиль былъ представителемъ Церкви вселенской (можно дополнить: благодатное возрожденіе и самаго Израиля, когда онъ войдетъ въ Христову Церковь).

Подобныя мѣста (XX, 39—44). *Вы же, доме Израилевъ, сице глаголетъ Адоиаи Господь: кій-ждо куміры своя отъимите..... Понеже на горѣ моей святѣй, глаголетъ Адоиаи Господь..., тамо послужатъ Ми весь домъ Израилевъ до конца на земли, и тамо прииму Я, и тамо присъщу на приношенія ваша и начатки обѣтовъ вашихъ... въ волю благовонія прииму вы, егда изведу вы изъ людей и прииму вы отъ странъ, въ няже расточени быте и освящуся въ васъ предъ очима людскими. И увѣсте, яко азъ Господь, егда введу вы въ землю Израилеву.... И помянете тамо пути ваша..... и посрамите лица ваша во вѣхъ злобахъ вашихъ, яже сотвористе и проч. Такъ же (XXVIII, 25—26): тако глаголетъ Адоиаи Господь: и соберу домъ Израилевъ отъ языкъ, идѣже разсыпашася тамо... и вселятся на земли своей, юже дахъ рабу моему Іакову, и населятся на ней съ надеждою, и созиждутъ дома и насадятъ винограды. И еще (XXXVI, 33—36). Сія глаголетъ Адоиаи Господь: въ онъ же день очищу вы отъ всѣхъ беззаконій вашихъ и населю грады, и соградятся пустыни, и земля погибшая воздѣлается.... и рекутъ: земля оная погибшая бысть яко вертоградъ сладости и грады опустѣвшіи и разореніи и раскопаніи, забрамы утверждени сташа.*

Замѣчательны эти мѣста тѣмъ, что избавленіе отъ плѣна представляется Пророкомъ, какъ благодать, покрывающая грѣхи и принимаемая покаянною вѣрою, и еще тѣмъ, что когда вѣрующіе еще могли такъ предусвоить себѣ милующую благодать, ветшавшій завѣтъ, видно, еще имѣлъ нѣкоторую силу и долженъ былъ еще продолжаться.

Далѣе, Іезекіиль изображаетъ самую благодать или рѣчью прямою или въ символическихъ видѣніяхъ, примѣтно, противопоставляя благодатныя времена современному отверженію Израиля.

Въ Израилѣ явится царь—потомокъ и первообразъ Давида, названный потому Давидомъ; въ немъ откроется спасеніе, союзъ съ Богомъ, завѣтъ міра, безопасность отъ зла и всякое благословеніе, — словомъ, полнота благодати. *И возставлю имъ Пастыря единого и упасетъ я* (т. е. овецъ немощныхъ, расточенныхъ и гибнущихъ, какъ выше того сказано у Пророка), *раба моего Давида: той упасетъ я, и той упокоитъ я, и будетъ имъ пастырь. Азъ же Господь буду имъ въ Бога, и рабъ мой Давидъ князь среди ихъ: Азъ Господь глаголахъ. И завѣщаю Давидовъ завѣтъ мирный, и потреблю звѣри злы отъ земли.... и дамъ окрестъ горы моя благословеніе (*)* (XXXIV, 23—26). То-

(*) Мессіанское значеніе этого пророчества видно изъ самаго имени *Давида* (такъ какъ еще самъ Давидъ многократно говоритъ отъ лица Христа и слѣдовательно является свѣдѣльемъ образомъ Христа), — изъ заключенія *завѣта мира* и изъ общаго благословенія безопасности отъ губительнаго зла подъ еди-

гда изольется среди Израиля же животворящій Духъ Божій, — и будетъ совершаться духовное воздержаніе или внутреннее обновленіе грѣшниковъ водою и Духомъ. *И воскроплю на вы воду чисту, и очиститесь отъ всѣхъ нечистотъ вашихъ.... и дамъ вамъ сердце ново, и духъ новъ дамъ вамъ, и отъиму сердце каменное отъ плоти вашей и дамъ вамъ сердце плотяное и духъ Мой дамъ въ васъ и сотворю, да въ заповѣдяхъ Моихъ ходите и суды моя сохраните и сотворите я* (*) (XXXVI, 25—27). Но не для одного Израиля откроется благодать; напротивъ она откроется только среди Израиля, а будетъ простираться на всѣхъ. «Такъ говоритъ Господь Іегова: и возьму я вершину высокаго кедра и посажу, сверху — вѣтвей его сощипну нѣжный стебелекъ и посажу на высокой величественной горѣ. На высокой горѣ Израилевой посажу его, и пустить вѣтви, и принесеть плодъ, и сдѣлается величественнымъ кедромъ и почіеть подъ нимъ всякъ звѣрь, всякія пернатія будутъ гнѣздиться въ тѣни вѣтвей его» (*) (XVII, 22—23).

нымъ пастырствомъ Давида, — изъ особеннаго тогда усвоенія Израилю Бога. Но постъ плѣна Вавилонскаго у Израиля не было уже ни царя — потомка Давидова, ни вообще благосостоянія и блискательности оеократів, какъ было при Давидѣ; Іудея почти все время до Христа была въ зависимости отъ язычниковъ.

(*) Мессіанское значеніе пророчества видно изъ его содержания и изъ соображенія съ другими мѣстами писанія въ Ветхомъ и Новомъ завѣтѣ (Іерем. XXXI, 33, Евр. X, 15, 22, 11 Кор. III, 3).

(**) Отношеніе къ Мессіи сего символа видно уже и по его

Впрочемъ, такъ какъ эти пророчественныя откровенія даны по случаю плѣненія Израильскаго и находятся въ связи съ пророчествами объ освобожденіи его, то вообще они ближайшимъ образомъ касаются Израиля и благодать, имѣющая назначеніе для всѣхъ, Пророкомъ созерцаема была въ отношеніи большею частію къ Израилю. Этимъ не стѣсняется значеніе ея: пбо Израиль былъ представителемъ и, такъ сказать, сокращеніемъ церкви всеиенской и Пророкъ самъ показалъ въ приведенномъ предъ симъ мѣстѣ всеобщее назначеніе благодати. Но въ то же время, тѣмъ же самымъ тайно предуказывается и будущее благодатное спасеніе Израиля. Іезекиилемъ предречено это и болѣе опредѣленнымъ образомъ. Такъ (XXXVII гл.) Пророкъ по повелѣнію Божию беретъ два жезла, представляющіе Ефрема и Іуду, или царства Израильское и Іудейское, связываетъ ихъ въ одинъ жезлъ и этотъ символъ изъясняетъ такимъ образомъ: *сія глагола Адоиаи Господь: ее Азъ поемлю весь домъ Израилевъ отъ среды языковъ.... и введу ихъ въ землю Израилеву.... и князь одинъ будетъ во всѣхъ сихъ царемъ, и не будутъ къ тому въ два языка, ни раздѣлятся къ тому на два царства.... и*

величественнымъ чертамъ, въ чемъ, кромѣ царственной благодати, можетъ осуществиться образъ дерева, принимающаго подъ свою тѣнь всякаго звѣря и пернатого? При томъ же это дерево Сіонское, посаженное отъ самаго Бога и возросшее до такой огромности изъ нѣжнаго стебелька, таково, что притча Спасителя о деревѣ, точно также разросшемся, имѣетъ явное сродство съ нимъ.

*избавлю я отъ всѣхъ беззаконій ихъ, и мнѣ же со-
грѣшиша, и очищу я, и будутъ мнѣ въ люди, и
Азъ буду имъ въ Бога. И рабъ мой Давидъ князь
среди ихъ, и пастырь единъ будетъ всѣхъ, яко
въ заповѣдехъ моихъ ходити будутъ... и утвержу
имъ завѣтъ миренъ, и завѣтъ вѣченъ будетъ съ
ними. . и дамъ освященіе мое посреди ихъ въ
вѣкъ и будетъ вселеніе мое въ нихъ, и буду имъ
Богъ, а они будутъ ми люди.* — Здѣсь, во 1-хъ, нель-
зя не видѣть нѣкоторыхъ чертъ, взятыхъ съ из-
бавленія Израиля отъ плѣна: таковы возвращеніе
изъ языковъ, вселеніе въ своей землѣ, созиданіе
здѣсь святилища. Но въ то же время само собою
видно, что черты сего пророчества безконечно да-
леко выходятъ изъ мѣры обстоятельствъ избавле-
нія Іудеевъ отъ плѣна: гдѣ тутъ царь Давидъ, при
которомъ вѣрно творили бы волю Божию, осущест-
влялся бы вѣчный завѣтъ, грѣхи загладились, и
оба царства — Ефремъ и Іуда — соединились съ
Богомъ и между собою въ одно Божіе царство?
Благодать въ этихъ чертахъ являетъ, очевидно,
самое лицо свое, хотя еще въ нѣкоторой сѣни Ветхо-
завѣтной: ибо иначе она была бы непонята. — Нель-
зя также, во 2-хъ, не примѣчать общихъ свойствъ
и дѣйствій благодати, имѣющихъ значеніе не въ
отношеніи только къ Израилю, а всемірное. — Та-
ковы пастырство и царствованіе Христова, загла-
женіе грѣховъ, утвержденіе вѣчнаго завѣта ми-
ра; но то вѣрно, что весь міръ спасающая благо-
дать здѣсь созерцается въ томъ отношеніи, какъ
она усвоится Израилемъ, ибо рѣчь у Пророка и

символическая изъяснительная относится собственно къ Ефрему и Іудѣ— двумъ разсѣяннымъ половинамъ избраннаго народа (ст. 21). Мысль пророчества слѣдующая: отвергаемаго, раздѣленнаго и разсѣяннаго теперь Израиля, — какъ бы такъ говорить Пророкъ, — Богъ приметъ, соберетъ и соединитъ въ свою благодатную любовь; приведетъ ихъ расточенныхъ овецъ Израиля къ ихъ духовному царю и пастырю—Христу, заглаждая ихъ грѣхи и дая имъ силу дѣлать правду; вступить съ ними въ вѣчный заветъ благодати и вселится въ нихъ своею благодатию. Само собою разумѣется, что это духовное возрожденіе Израиля проявится свойственнымъ образомъ и во внѣ; и на это могутъ здѣсь же заключаться точныя указанія; но этой стороны пророчества, изъясняемой совершенно одними событіями, мы не будемъ касаться. А что буквально нельзя разумѣть Ветхо-завѣтныя черты сего пророчества, — для убѣжденія въ этомъ достаточно того, что Ветхо-завѣтныя образовательныя черты въ Новомъ заветѣ раскрываются и исполняются въ духѣ, а не въ буквѣ, и что, остановясь въ семъ Іезекіиловомъ пророчествѣ на одной буквѣ, мы благодатное спасеніе будемъ представлять согласно съ мертвыми буквалистами — Іудеями — не болѣе, какъ земнымъ царствомъ Мессіи. Еще же: по обращеніи Іудеевъ ко Христу святилище у нихъ, конечно, будетъ не Ветхо-завѣтное, каковъ былъ единственный для всѣхъ—Іерусалимскій храмъ.

Царство и тайны благодати созерцалъ Пророкъ Іезекіиль и въ поразительнѣйшихъ символическихъ

видѣнiяхъ. Таково въ особенности видѣнiе новаго храма, новаго Иерусалима и вновь раздѣляемой земли обѣтованной (въ послѣдн. 9-ти главахъ). Пророческое таинственное значенiе сего видѣнiя открывается изъ слѣдующихъ внутреннихъ признаковъ: Во 1-хъ, въ самомъ святилищѣ новомъ поражаетъ наиболѣе та особенность, что изъ подъ него течетъ потокъ; направленiе его къ мертвому морю, которое и будетъ исцѣлено или услаждено водою этаго священнаго потока: по обѣимъ сторонамъ потока растутъ деревья съ неувядающими листьями, которыя имѣють цѣлительную силу, и съ неистощимыми каждомѣсячными плодами, которые назначаются въ пищу. Очевидно, что Пророкъ говоритъ объ открытiи подъ храмомъ источника не естественнаго а вышеестественнаго и таинственнаго. Относительно храма же должно присовокупить, что, по пришествiи въ него славы Господа, дверь его останется навсегда затворенною (44, 2.); только притворы и тѣ части храма, гдѣ совершается жертвоприношенiе, открыты. Видно, что этотъ храмъ, по устройству и назначенiю своему, не есть обыкновенный и простой храмъ. Во 2-хъ, что касается города, — новой Иерусалимъ получаетъ новое величественное имя: *Господь тамо* (48, 35). Это имя — явное знаменiе благодати. Въ 3-хъ, земля раздѣляется на равные участки каждому колѣну, безъ различенiя при этомъ разныхъ свойствъ и положенiй самой земли, безъ соотношенiя къ разному числу людей въ колѣнахъ. Видно, что эта земля и эти колѣна имѣють особенное значенiе, а не составля-

ють земной гражданской области. Иначе такой раздѣлъ земли былъ бы и не справедливъ, — и не возможенъ. — Кромѣ этихъ внутреннихъ признаковъ таинственнаго значенія сего видѣнія, можно привести и Ново-Завѣтныя о томъ свидѣтельства. Видѣнный тайно зрителемъ Іоанномъ Богословомъ (Апок. XXI и XXII). Новый Іерусалимъ имѣеть, въ нѣкоторыхъ даже частныхъ чертахъ, сходство съ возобновленнымъ Іерусалимомъ Іезекіиля: у ново-завѣтнаго тайнозрителя руководитель и измѣритель Іерусалима нѣкто съ тростию, таковъ же руководитель и Іезекіиля. (Апок. XXI, 15); городъ въ Апокалипсисѣ имѣеть 12-ть воротъ, по три въ каждую сторону, по числу колѣвъ Израилевыхъ, тоже и у Іезекіиля; отъ престола Бога и Агнца, составлявшихъ храмъ для новаго Іерусалима, исходитъ чистая рѣка воды жизни и по обѣимъ сторонамъ рѣки дерево жизни, дающее плоды на каждый мѣсяць, съ листьями для исцѣленія языковъ, — это есть потокъ, текущій изъ подъ храма и у Іезекіиля. Очевидно, что предметъ созерцанія обоихъ тайнозрителей одинаковъ-духовный Іерусалимъ, или невѣста Агнца, по выраженію Апокалипсиса т. е. церковь Христова. Различіе между Іерусалимомъ въ Апокалипсисѣ и изображеннымъ у Іезекіиля то: въ первомъ не видно уже храма, какъ зданія, нѣтъ нужды въ солнцѣ и слѣдовательно это Іерусалимъ славы, у Іезекіиля же есть храмъ и порядокъ вещей представляется еще настоящій; слѣдовательно, это есть Іерусалимъ еще благодати. Итакъ, по раззореніи Іерусалима и храма и по опустошеніи земли

обѣтованной, которые были для вѣрующихъ залогомъ и образомъ благодати, Пророку дано было увидѣть, хотя еще въ Вѣтхо-Завѣтномъ сѣновномъ обликѣ, духовный храмъ благодати, благодатный Іерусалимъ, землю благодатнаго наслѣдія.

Что же именно открыто о благодати въ такомъ тайновидѣніи? св. Григорій Богословъ сказалъ о Моисеевой скинии и законахъ, что для уразумѣнія таинственнаго значенія всѣхъ подробностей, нужно имѣть духъ и знанія Моисеевы; слѣдовательно, и для уразумѣнія значенія всѣхъ подробностей таинственнаго видѣнія Іезекіиля, нужно такъ же имѣть духъ и созерцаніе сего Пророка. Удовлетворимся только болѣе общимъ смысломъ этаго видѣнія.

По пророческому видѣнію храма, Іерусалима и раздѣла земли предполагаются извѣстные классы народонаселенія: Царь и его сыны, первосвященникъ и прочіе священные служители (священники и левиты), наконецъ народъ раздѣленный по колѣнамъ. Указанія на нихъ входятъ во всѣ части видѣнія Пророка. Слѣдовательно, сначала должно опредѣлить значеніе сего таинственнаго населенія. Народъ раздѣленный по колѣнамъ, буквально, есть Израиль. Духовное и таинственное значеніе Израиля то, что онъ изображаетъ собою всѣхъ вѣрующихъ; отсюда названіе Христіанъ новымъ Израилемъ. Царь новаго Израиля, какъ прямо выражено Пророкомъ въ приводимыхъ выше мѣстахъ, есть духовный Давидъ или Христосъ, дѣйствующій въ градѣ своей благодати духомъ той любви своей къ человѣчеству, по которой все доброе и истинное

въ людяхъ исходить отъ Божественной Его полноты (а все злое въ нихъ или всѣ грѣхи міра и слѣдующая за ними смерть взяты и вынесены Имъ на себѣ самомъ). Первосвященникъ духовнаго храма, по Апостолу Павлу, есть онъ же самый Христосъ Господь нашъ, только въ другомъ отношеніи, именно какъ приводящій людей чрезъ свое самопожертвованіе къ отцу своему, въ его любовь и благоволеніе. Духовное значеніе священниковъ и царственныхъ сыновъ изъяснено въ Апокалипсисѣ: (I, 6): *и сотворилъ есть насъ цари и Іереи Богу и Отцу своему*. Это суть тѣ же вѣрующіе, только рассматриваемые въ разныхъ отношеніяхъ: на сколько они, по общенію со Христомъ и благодати св. Духа, умомъ и сердцемъ имѣютъ доступъ къ Богу и служатъ Ему благоугодно въ духѣ и истинѣ, — Они священники; на сколько же удостоиваются они отъ Господа участія въ Его дарахъ и силахъ или вообще въ духѣ той Его любви къ міру, по которой всякое истинное добро въ мірѣ совершается Имъ самимъ и всякое мятежное зло Имъ же вынесены, какъ будто Онъ самъ былъ въ этомъ виновать, на столько они становятся царями, съ благодатною властительностію, подрывающими зло и распространяющими добро; а рассматриваемые вообще, какъ члены царства Божія, они суть народъ. *Царское священіе, святительство свято, люди избранія* — такъ Апостоль Петръ называетъ вѣрующихъ сообразно видѣніямъ Іезекиіля и таинственному значенію самаго народа, священниковъ и царей древняго Израіля. — Одинъ и тотъ же предметъ, раз-

сматриваемый въ разныхъ отношеніяхъ, даетъ разные о себѣ понятія; и такимъ образомъ открываются разные истины, которыя въ символическомъ изображеніи должны имѣть— каждая свой особый символъ. Вотъ изъясненіе того, по чему одни и тѣ же—Христосъ и вѣрующіе у Іезекіиля созерцаются въ разныхъ символическихъ представленіяхъ. — Христосъ въ символахъ царя и первосвященника, вѣрующіе въ символахъ народа, священныхъ служителей и царственныхъ сыновъ.

Подобное найдемъ во всѣхъ сторонахъ видѣнія Іезекіиля, Духовный храмъ, по изъясненію Апостола Петра (1 Петр. II, 5), составляютъ вообще души вѣрующія или церковь; Духовный Іерусалимъ, по изъясненію Ап. Павла (Гал. IV 26), есть такъ же церковь: земля обѣтованія—это одержаніе новаго Израиля есть область царства Христова или тоже церковь слѣдовательно, въ каждомъ изъ сихъ символовъ выражается идея объ одной Христовой церкви, но то же, видно, въ разныхъ отношеніяхъ. Въ отношеніи къ Богу, отъ котораго благодать и въ которую вѣру имѣетъ Церковь, — она есть духовный живой храмъ Божій. Въ отношеніи къ составу церкви или судя потому, что чада церкви, живя Христомъ по благодати св. Духа, имѣютъ и въ земной жизни особое, благодатно-небесное жительство (*полѣтеора*), въ которомъ всѣ права и обязанности состоятъ въ усвоеніи себѣ Христа, въ благодати, Его истины, Его любви къ грѣшнымъ и погибающимъ, — св. церковь есть градъ Божій, или Небесный и на землѣ Іерусалимъ. Разсматриваемая,

какъ такая райская область, которая должна быть обладаема, хранима и воздѣлываема не иначе, какъ по духу снисхожденія Сына Божія на землю для спасенія всего человѣческаго рода отъ грѣха, по духу возшествія Христова опять на небо уже съ обоженнымъ земнымъ человѣческимъ естествомъ, — церковь есть земля обѣтованія.

Въ видѣннн тайственнаго храма, небесный руководитель Пророка измѣривалъ въ немъ все до подробностей и побуждалъ Іезекііля все тщательно осмотрѣть, замѣчать и послѣ передавать Израилю. Оказывается въ храмѣ и его постройкѣ вообще совершенная оконченность, удивительная правильность (видная во взаимной соразмѣрности его частей и въ точности измѣреній) и великолѣпіе. Понятный знакъ того, что въ Христовой Церкви, въ отношеніи къ Богу, начальнику вѣры и подателю благодати, — все совершенно, все имѣетъ внутреннюю съ собою сообразность, все Божественно-прекрасно; тайны вѣры и благодати, вручаемая церкви и составляющія душу ея, представляютъ духовное зданіе полное, стройное, величественное во всемъ совершенствѣ.

Въ храмъ вступила слава Іеговы, которую Іезекіиль видѣлъ въ началѣ и въ продолженіи своего служенія (явленіе это уже изъяснено нами вначалѣ); и Сѣдящій на престолѣ, носимомъ разнообразными Херувимами, изрекъ Пророку: *сыне чловѣчь!* *Видѣлъ ли еси мѣсто престола моего и мѣсто стопы ногъ Моихъ, идѣже вселится Имя Мое среди дому Израилева въ вѣкъ* (См. XLIII гл.).

Знаменованіе сего понятно. Любовь Божія, во Христѣ изливающая щедроты на вѣрныхъ и отвращающаяся и побѣдоносно низлагающая противниковъ (пбо это именно значить явленіе славы), является и утверждается въ церкви на вѣки. Это совершилось чрезъ пришествіе Христова въ міръ пли воплощеніе Сына Божія *И се полонъ славы домъ Господень* (ст. 5): вся церковь Христова, по отношенію къ горнему и божественному, есть исполненіе Христа, исполняющаго въ ней всяческая во всѣхъ (Еф. 1, 23).

Изъ подъ храма течетъ вода и изливается въ мертвое море, — исцѣляетъ и услаждаетъ его; остается только въ окраинахъ его нѣкоторая соленость — единственно для добыванія соли, нужной Израилю. По сторонамъ потока растутъ деревья съ неистощимыми питательными плодами и съ цѣлительными листьями. Эта вода есть, какъ сказано въ Апокалипсисѣ о томъ же, *вода жизни* (Апок. XII), а это есть, какъ изъяснено Св. Іоанномъ въ его Евангеліи, благодать Св. Духа, излившаяся на Церковь во Христѣ по Его прославленіи (Іоан. VII. 38. — 39). Мертвое море, по своему происхожденію отъ гибели нечестивыхъ городовъ Содома и Гоморры, есть выразительный, особенно для ветхо-завѣтнаго воззрѣнія, образъ наказаннаго горькаго грѣха, разстлѣвающаго человѣческое существо. Деревя, растущія отъ влаги благодатныхъ водъ, покрытыя всегда листьями и ежемѣсячно приносящія плоды, суть, очевидно, разныя прозябенія и проявленія 'благодати, всегда живыя и животворныя, всегда плодоносныя, всегда раскрывающія въ себѣ человѣколюбіе распя-

таго за насъ на крестномъ древѣ. Цѣлительныя листья и питательныя плоды этихъ деревъ означаютъ цѣлительную и укрѣпляющую силу всѣхъ благодатныхъ проявленій и дарованій. Общій смыслъ сего прекраснаго образа: изъ подъ храма, гдѣ на вѣки почиваетъ въ пришедшемъ Христѣ полнота любви Божіей, — словомъ, отъ Христа, этаго сердца и главы Церкви, изливается благодать Святаго Духа, которая цѣлитъ и возсоздаетъ наше разстлѣнное естество, очищаетъ и услаждаетъ наши грѣховныя сердца, оставляя развѣ для потребнаго въ духовной жизни подвига и смиренія нѣкоторую грѣховную горечь въ насъ; отъ сей благодати возникаютъ разныя ея дарованія и дѣйствія, всегда врачующія и подкрѣпляющія наши немощи, всегда цвѣтущія и плодотворныя къ жизни вѣчной. Въ цѣлительныхъ и питательныхъ деревьяхъ, возникающихъ изъ живой влаги, въ особенности можно примѣчать благодатныя таинства съ ихъ дѣйствіями и плодами въ вѣрующихъ.

† Восточныя врата храма, которыми вошла въ него слава Господня, должны быть заключены, *и не отверзнутся, и никтоже взыдетъ ими, яко Господь Богъ Израилевъ внидетъ ими.* Только первосвященникъ будетъ при этихъ вратахъ вкушать священные останки жертвы. Такъ какъ водвореніе въ храмъ славы Божіей означаетъ, какъ выше было показано, воплощеніе Христово: то заключеніе дверей, которыми вступила въ храмъ слава, можетъ означать, ꙗко первыхъ, и вообще неизслѣдомую таинственность воплощенія Сына Божія: *велия бла-*

иочестія тайна: Богъ Явился во плоти; во вторыхъ, оно указываетъ въ особенности на тайну вышестественнаго безсѣменнаго рожденія Христова или воплощенія Сына Божія отъ Приснодѣвы. Ибо въ живомъ духовномъ храмѣ, какова Христова Церковь, дверью, которою вошла въ него слава Господня или слава Богочеловѣка и которая потому заключена для всѣхъ, явилась именно Приснодѣва Богородица. Св. Церковь такъ и понимаетъ это пророчественное видѣнiе, предлагая Иезекиилю описанiе этаго видѣнiя въ чтенiи на Богородичные праздники (). Одинъ первосвященникъ могъ при сихъ таинственныхъ дверяхъ вкушать священныя снѣди: Одному Христу доступна и вѣдома тайна его воплощенiя, дѣйствующая въ Церкви на вѣки своею силою.*

Въ храмѣ, кромѣ обычныхъ въ ветхомъ завѣтѣ священныхъ его принадлежностей, поражаетъ значительностию то украшенiе, что внутри и снаружи храма сдѣланы Херувимы и пальмы, — у каждой пальмы Херувимъ съ одной стороны и Херувимъ съ другой, и у каждого Херувима два лица: человѣческое и львиное (XIV, 17—19). Это—понятные символы небесныхъ духовъ, посылаемыхъ на служенiе хотящимъ наследовати спасенiе, всюду осѣняющихъ насъ (если не измѣняемъ своему назначенiю быть Божiими храмами), — и соблюдающихъ неприкосновенность святыни! И вмѣстѣ въ

(*) Во второй царемш.

томъ же самомъ предлагается урокъ для вѣрующихъ, чтобы они тайно образовали Херувимовъ львообразною мощію и достойною человѣка разумностію своего служенія Богу и легко, какъ пальмы, возвышались горѣ. Въ устройствѣ храма различаются внутреннее святилище и примыкающія къ нему жилища священническія. Прекрасное изображеніе водворившейся въ церкви благодати и присѣдящей ей вѣрѣ! Изъ приносимыхъ жертвъ ясны указываются *жертва за грѣхи* и *жертва всесожженія* это—знакъ вѣры во вземлющаго грѣхи Агнца Божія, — вѣры, по которой весь человѣкъ долженъ становиться живою и совершенною жертвою Богу.

Священники, выходя послѣ священнослуженія къ народу, должны напередъ перемѣнять священныя одежды, чтобы, какъ сказано у Пророка, «не освятить народа», т. е. не коснуться святынею неосвященнаго съ опасностію для послѣдняго (ибо освященіе недостойнаго бываетъ карательное). Это — понятный символъ того, чтобы вѣрующія души, которыя предстоятъ Богу, облеченныя въ свойства и заслуги Христовы, блюди *въ тайнѣ* предъ Отцемъ небеснымъ эти святые облаченія, — не являлись человѣкомъ съ самохвальствомъ, но только Отцу своему небесному, иначе можетъ оскорбиться эта благодатная святыня. Святыня благодати, если не святится въ насъ смиреніемъ нашимъ, вѣрою и преданностію нашею, благоговѣніемъ предъ Самимъ Богомъ, можетъ проявить свою святость и въ караніи нашихъ нечистотъ и тщеславія.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію того, что особенно доступнаго и нужнаго для насъ открывается касательно благодатнаго города. — Надъ сооруженіемъ новаго Іерусалима трудятся зиждущіе изъ всѣхъ колѣнъ; въ городѣ двѣнадцать воротъ, по три въ каждую сторону—въ ознаменованіе 12 колѣнъ Израиля; имя его — *Господь тамъ*. И такъ сооруженіе града Божія не составляетъ обременительнаго труда или же отличительнаго преимущества какой либо партіи или касты, а напротивъ *дѣлающіи градъ да дѣлаютъ его отъ всѣхъ племенъ Израилевыхъ* (XLVIII, 19): какъ трудъ, такъ и высота небснаго во Христѣ жительства принадлежатъ ревности вѣры въ каждомъ состояніи, въ каждой средѣ, во всѣхъ родахъ жизни. Святой градъ жительства во Христѣ не допускаетъ односторонностей; со всѣхъ четырехъ сторонъ отверзты въ него врата, по трое воротъ съ каждой стороны: любишь ли, напр., ты свѣжее утро благодатной жизни—этотъ *духовный востокъ*, стремишься ли къ полнотѣ свѣта или просвѣщенія на *духовно полденной сторонѣ*, идешь ли на подвигъ со тьмою заблужденій *полуночной стороны*, ищешь ли приложенія Христовой истины и благодати ко всему *западу* человѣческаго и мірскаго, борющагося обыкновенно между свѣтомъ и тьмою,—всюду открыть тебѣ путь во имя и славу Пресвятой Троицы. Только имѣй своимъ вождемъ, наставникомъ, главою во всемъ прямо самаго Господа, дѣйствующаго и правящаго во всѣхъ орудіяхъ и учрежденіяхъ Его благодати, во всѣхъ церковныхъ принадлеж-

ностяхъ: *Господь тамо*—это есть имя и самое существо и сила Божія града.

Земля раздѣляется на слѣдующія части: а) участокъ посвященный Богу, чѣмъ пользуются служители храма и гдѣ находится самый храмъ съ городомъ; б) царскій участокъ, и в) участки каждому колѣну опредѣленные. Въ благодатномъ царствѣ во всемъ строгій и премудрый порядокъ. Каждое колѣно получаетъ по участку, совершенно равному пространствомъ; самые иноплеменники, вошедшіе въ составъ народа Божія, совершенно уравниваются съ ними въ правахъ обладанія землею: значить, никакой отдѣлъ вѣрующихъ не обиженъ, въ сравненіе и съ другими, въ благодатныхъ правахъ; всѣмъ равно предложено участіе во Христѣ. *Нѣсть Еллинъ и Іудей, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ.* Служители храма пользуются удѣломъ Божиимъ, т. е. на сколько кто служить и вѣренъ Богу, на столько удостоивается особенныхъ благодатныхъ даровъ и стяжаній. Царь имѣетъ свой особый удѣлъ, изъ котораго и удѣляетъ, по своему изволенію, своимъ дѣтямъ и подданнымъ, впрочемъ такъ, что только удѣленное царскимъ дѣтямъ остается навсегда ихъ собственностію, а у другихъ въ юбилейный годъ должно быть отъято царское владѣніе: это — выразительный символъ той щедродаровитости Христовой, съ которою онъ раздаетъ своимъ послѣдователямъ благодатные таланты и преимущества, которыя впрочемъ остаются навсегда только у сыновъ благо-

дати, а у рабовъ и наемниковъ наконецъ будутъ отняты.

Въ разныхъ законахъ новаго Иерусалима, храма и земли обѣтованія внушаются слѣдующія правила: для царя—милость и правда; для священниковъ и храма (т. е. для вѣрующихъ относительно Бога) чистота (*), благоговѣніе и простота (**), также крайняя бдительность и опасеніе, чтобы божественное и благодатное не смѣшать съ чело-вѣческимъ и мірскимъ (***), не отказываясь впрочемъ отъ этаго чело-вѣческаго и мірскаго, а возводя это чело-вѣческое и мірское къ дулу благодатному (****); для народа (т. е. для вѣрующихъ во взаимныхъ отношеніяхъ) духовная равноправность и братство съ устраненіемъ всѣхъ поводовъ къ взаимнымъ недоразумѣніямъ (*****).

Вотъ нѣкоторыя, болѣе видныя и понятныя черты таинственнаго видѣнія церкви Христовой у Іезекіиля! Можно изъ сказаннаго видѣть, какъ подробно и обстоятельно предначертано благодатное домостроительство церкви въ символическомъ видѣніи Іезекіиля.

(*) Въ законѣ напр. о неприкосновеніи къ трупу.

(**) Простота въ законѣ о льняныхъ одеждахъ.

(***) Указано напр. особое святое мѣсто, куда должны полагаться приношенія, назначаемыя въ жертву и гдѣ должны быть сѣбаемы предъ Богомъ остатки жертвъ. Сюда же относятся обязанность учить о раздѣленіи священнаго и несвященнаго. —

(****) Такова идея всѣхъ законовъ о землѣ.

(*****) Сюда относятся равный и точный раздѣлъ земли. Къ устраненію недоразумѣній служить опредѣленіе цѣнности монеть.

Другое символическое откровение, относящееся къ судьбамъ Христовой церкви, есть пророчество, которое изрекъ Пророкъ на Гога, царя Магогии (XXXVIII и XXXIX).

Различно изъясняютъ это пророчество и до какого произвола иногда доходятъ въ толкованіи, — видно изъ того, напр., что прежніе Лютеранскіе богословы, въ слѣдъ за Лютеромъ изъясняли это пророчество о Туркахъ (см. Pfeiffer, *ibid.* v. x. p. 886). Болѣе замѣчательны изъясненія сего пророчества: а) о времени Маккавеевъ и ихъ борьбѣ съ Антиохомъ (Гроцій, Дате, Янъ); б) о Халдеяхъ (Ewald), и наконецъ в) о нашествіи скиѳовъ, отъ передней Азіи простершемся по Геродоту до Египта. Истинное значеніе сего пророчества увидимъ изъ содержанія его и изъ Ново-Завѣтныхъ свидѣтельствъ.

Гогъ изъ земли Магогии, предводитель Мешеха и Тувала (XXXVIII, 2. 3), въ позднѣйшія времена и именно *въ послѣдняя лѣта* (8 ст.), сдѣлаетъ нашествіе на благоденствующаго уже Израиля съ несмѣтными ополченіями. Съ нимъ будутъ многочисленные народы и съ сѣвера, каковы Персы и Гомеряне, и съ юга, каковы Еѳіопляне и Ливійцы (ст. 5.). Онъ, по слову Пророка, какъ буря, какъ туча, готовъ будетъ покрыть землю собою и всѣми полчищами своими (ст. 9.). Господь попуститъ ему напасть на Святую землю собственно съ тою цѣлю, чтобы, какъ глаголетъ самъ Господь, «народы узнали Меня; тогда Я предъ глазами ихъ выкажу святость Мою надъ тобою, Гогъ» (ст. 16). Нашествіе его на Израиля имѣетъ такое великое

значение въ судьбахъ Божіихъ, что ранѣ Іезекіиля уже было предрекаемо о немъ пророками: «такъ говоритъ Господь Іегова: не ты ли тотъ самый, о которомъ Я говорилъ въ прежніе дни чрезъ рабовъ моихъ, пророковъ Израилевыхъ..... обѣщая привести тебя къ нимъ» (ст. 17). Что же ждетъ сего страшнаго врага на земли обѣтованной? Страшная гибель не отъ силы человѣческой, но единственно отъ гнѣва Божія. «Рыба на море вострепещетъ отъ меня и птицы.... и звѣри.... и все пресмыкающееся и всѣ люди по всему лицу земли, и обрушатся горы, и надутъ утесы.... и накажу его моровою язвою и кровопролитіемъ и пролію на него и на всѣ полки его.... потопляющій дождь и камни града, огонь и сѣру» (20—21). Израилю останется только очистить землю отъ оружія и труповъ непріятельскихъ; и семь лѣтъ не будетъ брать дровъ, но будетъ употреблять въ пищу огню одно оружіе погибшаго врага (XXXIX, 9. 10.), — семь мѣсяцевъ весь народъ земли будетъ хоронить трупы и затѣмъ опредѣлять къ тому постоянныхъ людей (12—14). Звѣрямъ и птицамъ, со всѣхъ сторонъ земли, будетъ большой жертвенный столъ на горахъ Израилевыхъ (17....). — «И увидятъ вся народы судъ мой, какой я совершилъ (ст. 21). И узнаютъ, что Іегова Богъ ихъ (Израиля)... и уже не скрою отъ нихъ лица моего, потому что излію на домъ Израилевъ Духъ мой, говоритъ Господь Іегова» (28 и 29). Такъ заключается все это пророчество.

Такое пророчество не можетъ относиться ни къ Халдеямъ, какъ видно, сверхъ всего прочаго, изъ

того, что нашествіе Гога еще угрожаетъ Израилю въ далеко позднѣйшія времена и что сей непріятель, не успѣвъ опустошить земли обѣтованной, падетъ именно на горахъ Израилевыхъ. Не можетъ оно быть отнесено и къ гонителю Антиоху: ибо не было его нашествія съ несмѣтными полчищами, гибель его не послѣдовала при потрясеніи всего міра, послѣдствіе торжества Маккавеевъ не было таково, чтобы Иегова уже не скрывалъ отъ Израиля Лица своего и излилъ на него Духъ свой. Къ скиѳамъ, кромѣ темнаго имени Магогіи, нѣтъ другаго основанія относить сіе пророчество; о нашествіи скиѳовъ Іудеи не сохранили и памяти (*), — знакъ, что во всякомъ случаѣ это нашествіе едва коснулось Іудеи или было мимоходное. Рѣшительно не таково, по пророчеству Іезекіиля, нашествіе и гибель Гога.

Какъ же понимать это пророчество? Тѣ обстоятельства нашествія сего врага, что онъ уже въ послѣдніе годы съ самыми многочисленными полчищами и народами пойдетъ противъ Израиля, — такая его гибель, что при этомъ весь міръ во всемъ составѣ и стихіяхъ своихъ потрясется и что Израиль только долженъ будетъ и едва успѣетъ очистить землю отъ пораженныхъ непріятелей, — такое слѣдствіе сего торжества, что свѣтъ лица Божія уже неотступно будетъ озарять и Духъ Его ожив-

(*) Указываютъ иные на Скиѳополь, какъ на слѣдъ нашествія скиѳскаго, но это есть только одно изъ многихъ и разныхъ предположеній сего города. Это же самое доказываетъ, что у Іудеевъ не сохранилось живаго преданія о скиѳахъ.

лять Израиля, — все это, очевидно, не позволяет видѣть въ Гогѣ какого либо врага Іудейской ееркратіи. Напротивъ въ немъ видѣнъ врагъ собственно церкви Христовой: ибо ей только обѣтовано и принадлежитъ изліяніе Духа Іеговы; — и при томъ видѣнъ врагъ такой, съ торжествомъ надъ которымъ церковь начинаетъ жить неизмѣннымъ созерцаніемъ лица Божія и вообще полною жизнью въ Святомъ Духѣ; — видѣнъ врагъ самый лютый, сосредочившій около себя враждебные для церкви народы, принадлежащій къ послѣднимъ временамъ, съ гибелію котораго произойдетъ переворотъ во всемъ мірѣ. Во всѣхъ такихъ чертахъ ясно обозначается лице Антихриста.

Самыя имена Магогіи, Мошеха и пр. суть имена слишкомъ общія. Въ кн. Бытія (X, 2), правда говорится о Магогѣ, Мосохѣ и Тувалѣ опредѣленно, какъ о дѣтяхъ Іафета; но во время Іезекіиля названія неизвѣстныхъ народовъ сими именами суть уже слишкомъ неопредѣленные и общія. Въ семь самомъ пророчествѣ (XXXIX, 6) имя Магогія поставлено, какъ синонимическое, общему и неопредѣленному названію «острововъ». Такими именами удобно воспользоваться для символическаго представленія. Что дѣйствительно такъ поступилъ Пророкъ въ настоящемъ случаѣ, — это видно изъ его словъ, что о Гогѣ уже возвѣщено чрезъ пророковъ. Эта послѣдняя мысль выражена Іезекіилемъ такъ, что предреченіе о Гогѣ было какъ будто однимъ изъ самыхъ обычныхъ и извѣстныхъ предреченій пророковъ. Но нигдѣ у пророковъ нѣтъ и намека

на имена Гога и Магоги. Посему, если предреченія о нихъ, дѣйствительно, есть у пророковъ (о чемъ не можетъ быть сомнѣнія): то видно, что другіе пророки предсказывали о тѣхъ же врагахъ церкви, но только подъ другими именами и въ другихъ представленіяхъ. Слѣдовательно, уже необходимо отступить отъ буквальности названія сихъ враговъ у Іезекіиля, а смотрѣть только на ихъ значеніе, дабы найти у другихъ пророковъ предсказанія о нихъ; другими словами: нужно принять эти имена не за собственные, а за общія и неопредѣленные, которыя употребилъ Іезекіиль для представленія подъ ними послѣдняго великаго врага церкви.

Такое изслѣдованіе о значеніи сего пророчества подтверждается свидѣтельствами Ново-Завѣтными. Въ Апокалипсисѣ читаемъ (XX гл. 7 и слѣд.), что, по исполненіи опредѣленнаго времени, *разрѣшенъ будетъ сатана отъ темницы своя и изыдетъ прельстити языки сущія на четырехъ угльхъ земли, Гога и Магога, собрати ихъ на брань, ихъ же число яко песокъ морской. И въздоша на широту земли, и обыдоша святыхъ станъ и градъ возлюбленный: и скиде огнь отъ Бога съ небесе и пояде я и проч.* Въ названіяхъ и общемъ изображеніи ясны черты пророчества Іезекіиля. Тайно—зритель видѣлъ свирѣпство и гибель Гога и Магога предъ всеобщимъ воскресеніемъ и судомъ, а тогда явится и погибнетъ именно Антихристъ. Это самое значеніе пророчества на Гога и было выше указано.

Такимъ образомъ символическія откровенія о церкви Христовой у Іезекііля дополняются тѣмъ пророчествомъ, что, въ концѣ времени, явится чрезвычайный врагъ, вождь всей Богоборной области народовъ и царствъ, — онъ готовъ будетъ до основанія разрушить и разсѣять церковь, — но вмѣсто того самъ страшно погибнетъ отъ грядущаго Господа, при колебаніи всего міра, а церковь будетъ торжествовать пораженіе всѣхъ своихъ враговъ, озаряемая свѣтомъ лица Божія и одушевляемая Духомъ Божиимъ.

Симъ и окончимъ обзоръніе содержанія книги Пр. Іезекііля.

Характеръ книги Пр. Іезекііля.

Характеръ его пророчествъ есть отпечатокъ его личныхъ особенностей. Во 1-хъ, у него господствуетъ таинственность и символизмъ. Не говоря о прямыхъ символическихъ видѣніяхъ, самыя рѣчи его полны символическихъ изображеній, приточныхъ представленій. По его настроенности къ таинственному, ему дано отъ Духа ощущать таинственную связь невидимаго съ видимымъ и въ послѣднемъ отыскивать выразительныя отраженія перваго.